

Василий ПЕСКОВ

С радостью
Василий!

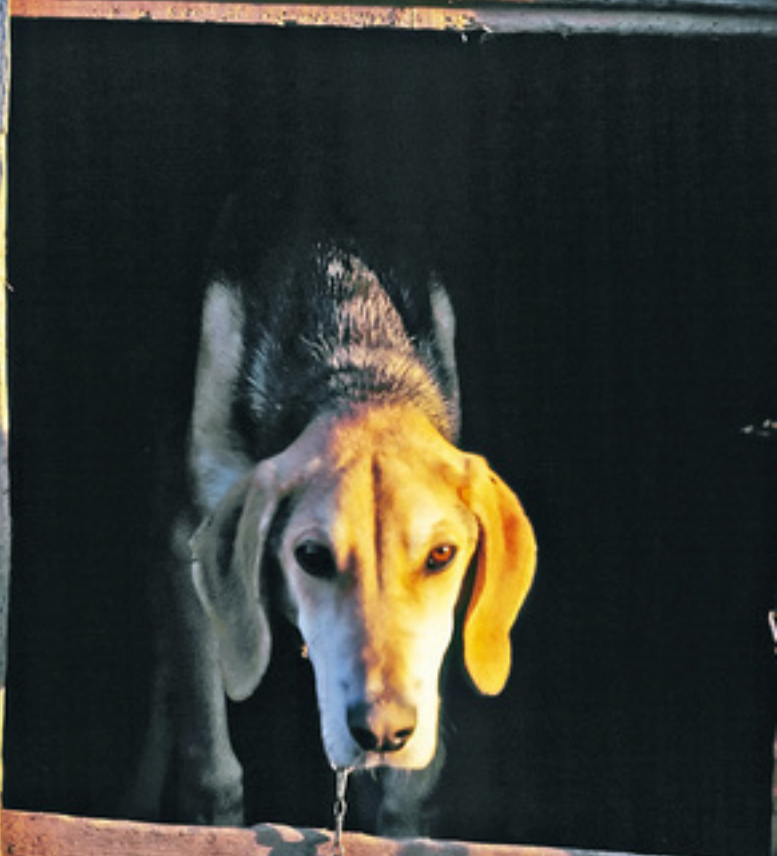
Юлиан

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КОНСОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

ПРО БРАТЬЕВ МЕНЬШИХ

Василий Песков. Полное собрание сочинений

Василий Песков

**Полное собрание сочинений.
Том 19. Про братьев меньших**

«ИД Комсомольская правда»

2014

Песков В. М.

Полное собрание сочинений. Том 19. Про братьев меньших / В. М. Песков — «ИД Комсомольская правда», 2014 — (Василий Песков. Полное собрание сочинений)

ISBN 978-5-87107-895-2

В новом томе собрания сочинений Василия Михайловича Пескова, обозревателя «Комсомольской правды», мы вместе с мастером в его рубрике «Окно в природу» как бы побываем на фотоуроке и убедимся, что для удивительных открытий необязательно ехать за тридевять земель. Иногда достаточно просто прогуляться по двору, чтобы заново открыть для себя удивительный мир окружающих нас животных.

Содержание

Предисловие	7
1994	9
Камешек в клюве	9
Коршуны-горожане	12
Птица в сорочке	16
Отчего медведь пляшет	19
Слезы по крокодилу	22
Зима без полетов	25
Млечные тайны	29
О курах и деньгах	33
За кулисами лесной сцены	36
Кто кого?	40
Свидание у Селигера	44
Нить длиною в пять тысяч лет	48
О священных коровах и обезьянах	51
Перо на память	54
Долгое ожиданье	59
Операция «Тигр»	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Василий Песков

Полное собрание сочинений.

Том 19. Про братьев меньших

1994-1996

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

«Человек – часть живой природы Земли, и все законы природы на него тоже распространяются. Суждено ли человеку безнаказанно и безгранично на Земле распространяться? Вряд ли. Неизбежно с грозной силой проявят себя экологические проблемы, которые, умножаясь и жаждая потребительства, человеческий род плодит с устрашающей силой. Да и болезни... Обуздал человек оспу, не слышно давно о чуме, но возвращается устоявший перед антибиотиками туберкулез, реален и уже действует голод, повышаются стрессы, появилось нечто с названием СПИД, заговорили о вирусе еще более страшном. И нет ли в жилетном кармане Природы еще какой-нибудь «мелочи», какого-нибудь эффективного средства обуздать растущую численность «господина всего живого».

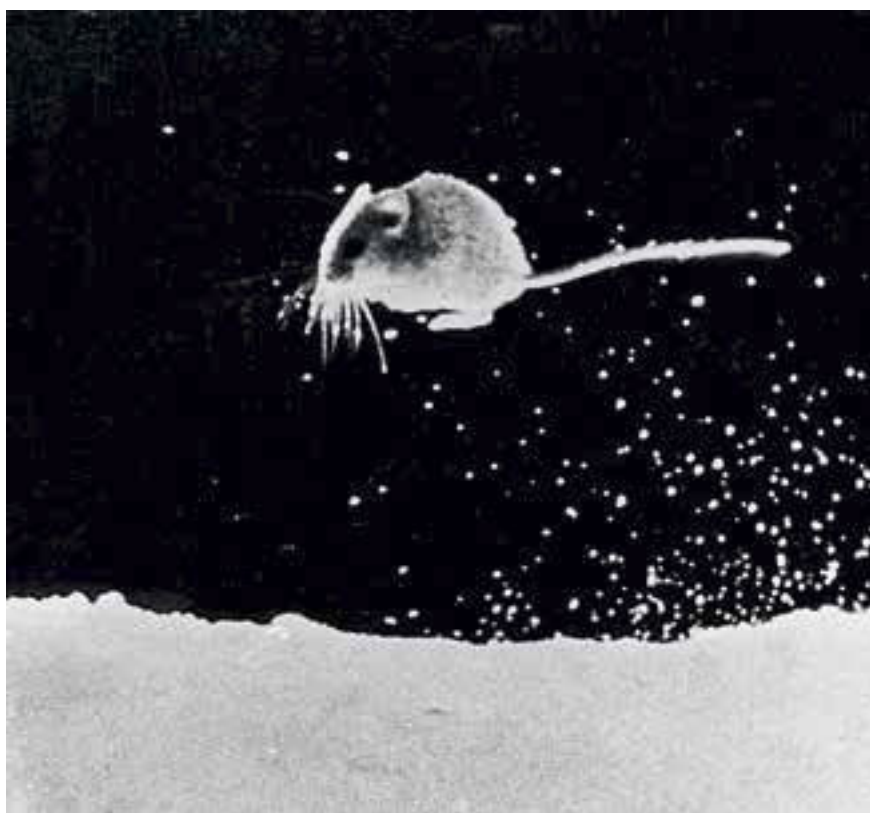
В. Песков

Предисловие

Пока мы делаем собрание сочинений Василия Михайловича Пескова, его внук Дмитрий приносит в редакцию фотографии из архива деда. Архив большой, Дмитрий носит очередную порцию в рюкзаке – в руках не удержишь. У редкого фотографа набирается столько фото за свою жизнь. А вот у Василия Михайловича – набралось. Понятно, что приличную часть иллюстраций для сових заметок он собирал повсюду. Но, обратите внимание, сколько материалов в книгах помечено: фото автора.

Фотограф он был, конечно, отменный. Немного мы уже эту тему затрагивали. Но не касались одной ее стороны: он каким-то невообразимым образом умел в совершенно обыденном увидеть невероятное. Что бы ни снимал – от таракана до охоты с орлом, всегда получалось увлекательно.

Например, его знаменитый кадр – мышонок, выпрыгивающий из-под снега. Не верится, что снял его Василий Михайлович в чистом поле, когда с приятелем шел на лыжах. Попросил того, заметив следы мышинной норки, притопнуть лыжей по насту. И не ошибся: из-под снега как пробка из бутылки шампанского вылетел мышонок! И никакой тебе компьютерной графики! Пленочный фотоаппарат. Поле. Зима.

Сейчас понимаешь, как жаль, что никто не догадался попросить Василия Михайловича дать несколько мастер-классов фотографии.

Однако один из его рецептов того, как можно попробовать увидеть мир вокруг себя, – отыскался. Когда будете читать этот том, задержитесь на фотографиях и вспомните рассказ Пескова:

«И теперь о фотографах. Сегодня их много. Сто пятьдесят лет назад, когда фотография появилась, сразу же появились и люди, в нее влюбленные. Это были энту-

зиасты, носившие с собой не только громоздкие «сундуки» фотокамер, но и целые лаборатории – стеклянные фотопластинки обрабатывались на месте. Нетрудно представить, каково было первым открывателям мира с помощью фотографии. Как далеко ушла техника с тех времен! Сегодня изящная любительская фотокамера уместится в кармане, в дамской сумочке. Она сама определяет выдержку, наводит на резкость. Катушка цветной фотопленки для этой «мыльницы» (36 кадров!) чуть толще тюбика губной помады. Снимай – не хочу!

Снимающих много. Немного – умеющих снимать хорошо. Для хорошего снимка важно кнопку нажать в нужный момент – не раньше, не позже, надо иметь некоторые представления о композиции, иметь настойчивость, терпение, вкус, то есть умение нужного выбора, и обладать еще чувством прекрасного.

Есть и еще одно качество, очень важное для фотографа. Он должен быть человеком.

Ощущение прожитой жизни дают человеку воспоминанья. Поводов к ним очень много: приехал в знакомое место, встретил друга, разложил пожелтевшие письма. Сильнее всего будят воспоминания снимки. Они всегда под рукой и очень сильны в пробуждении пережитого. Фотографии сегодня сопровождают человека от колыбели и до прощания с жизнью. Вот ты видишь себя карапузом, во времени, которое память не сохранила. А вот событие, которое помнишь: деревенский пожар. Снимал не ты, но помнишь, что это было. И снимок все воскрешает – суматоха, крики, плач, вихри огня над соломенной кровлей. А вот первый раз плывешь ты на лодке. Вот с другом идешь по грибы. Первый день в школе. А вот уже общий снимок – выпускной класс. Разглядываешь лица друзей, девчонок, по которым вздыхали, старушку учительницу.

Фотограф оком любознательным должен, подобно ребенку, видеть все интересное и не уставать удивляться. Хорошими фотографами, как правило, становятся не воспитанники каких-то студий; фотографы учатся друг у друга, учатся, посещая фотовыставки, картинные галереи, бывая в природе (лучший учитель!), читая хорошие книги. И к этому обязательно должно быть приложено ваше восприятие мира.

Открывать мир можно, отправляясь на край света, но успех достигается и в людном городе, и за околицей деревеньки, во дворе дома, даже в комнате, когда наблюдаешь за игрой света в привычных для глаза предметах. Главное, обретая знания и набираясь мудрости жизни, сберечь в себе чувство ребенка, глядящего на мир с удивлением открывателя».

Ключевые слова здесь, конечно, смотреть на мир «с удивлением открывателя». Василий Михайлович этого умения удивляться не растерял за всю жизнь. Поэтому нас совершенно завораживают его рассказы в подшивках «Комсомолки» за любой год.

Это как с картинами и книгами. Они становятся классикой, когда начинают жить самостоятельно вне времени и интересны всем – и дедам, и внукам, сколько бы разным ни был мир разных поколений.

Подготовил Андрей Дятлов, заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

1994

Камешек в клюве

Окно в природу

В ловушку или капкан для приманки кладут еду. И я очень удивился, когда в Окском заповеднике мне показали ловушку для глухарей. Ловушка, сработанная из круглых полешков, стояла на лесной дороге. Ее намеренно поместили на видном месте. И приманкой для глухарей служили... камешки – речная галька. Ничто другое лесную птицу не привлекает. Корма для глухаря, поедающего хвою, сколько угодно. Но корм этот грубый. Зубов измельчать его у птицы нет. И природа нашла выход. Корм в мускулистом желудке перемалывается «жерновами», их надо время от времени пополнять. Поэтому глухари летают на речные галечные места, знают обрывистые овраги, где можно разжиться камешками, прилетают на железнодорожное полотно.

И глухари – не единственные, кому надобны «жернова». За камешками охотятся куры. Мелкие птицы клюют песчинки. А ныряльщики-утки на озерах, где охотничьей дробью выстлано дно, принимают ее за камешки. Свинцовые «жернова» неэффективны – быстро стираются. Но главное, ядовиты. Американские биологи провели исследования этой проблемы. В результате в некоторых штатах принят закон, запрещающий использовать свинцовую дробь, взамен ее рекомендована стальная. Охотники не очень довольны – новая дробь легковата и быстро изнашивает ружейные стволы.

Глотают довольно большие камни крокодилы. Тут, как считают, дело не в пищеварении. По мнению зоологов, крокодилам нужен балласт, составляющий примерно сотую часть их веса. Без балласта крокодил не может лежать на дне потока, его снесет.

А вот как камни используют другие животные. На этом снимке вы видите африканских стервятников. В клювах у них по камню. Зачем? Разбить страусиное яйцо. Добыча, обнаруженная сверху в саванне, лакомая, но клюв у стервятника слабый, толстую скорлупу расколоть им нельзя. И вот стервятники приспособились – раз за разом кидают на яйцо камень, и оно в конце концов треснет. Биологов долго занимал вопрос: этот навык молодые стервятники получают, обучаясь у взрослых, или, рождаясь, они уже знают, что надо делать, увидев яйцо? Опыты показали: птенец, выращенный в изоляции, увидев страусиное яйцо, начинает искать камень. Значит, разбивание яиц занятие не случайное, древнее, занесенное в генетическую память.

И в некоторых других случаях камни служат животным орудием и оружием. На Аляске, проплывая в заливе Принца Уильяма, с катера мы наблюдали каланов, лежавших на воде в очень занятных позах. У некоторых на животе лежали камни, о которые эти морские выдры разбивают ракушки. Нам с катера не удалось проследить за этой работой, но американские биологи пишут: «Камень калан бережет. ныряя за очередной ракушкой, он держит его в лапе».

Шимпанзе использует камни как метательное оружие. Я наблюдал это в экспериментах, проводимых ленинградским приматологом Леонидом Александровичем Фирсовым. Самец шимпанзе, протестовавший против нашей высадки на маленький «обезьяний остров», сначала возбужденно протестующе бегал по кромке берега, потом начал запускать в нас камни. Похожую картину наблюдал я недавно в зоопарке города Дели. Обезьяны везде собирают много людей. Но тут возле просторной территории, окруженной рвом и барьером, возбужденно гудела тысячная толпа. Что происходит? Приблизившись, я увидел: две шимпанзе, то ли забавляясь, то ли «заведенные» жаждущей зрелища массой людей, разбегаясь,

кидали в толпу палки и камни. Иногда броски эти достигали цели – кто-то вылезал из толпы окровавленным. Но, поразительно, это привлекало к обезьяннику еще больше людей.

Не могу поручиться за достоверность (возможно, это легенда), но я несколько раз слышал на Севере этот рассказ. «Гусиные стаи, делая остановки, обязательно выставят сторожей. Все кормятся или спят, а несколько гусakov бдительно наблюдают: нет ли опасности? Чтобы не задремать, сторож берет в клюв камешек. Выронив его, он немедленно просыпается».

В заключение о камнях – строительном материале. Императорские пингвины выводят своих птенцов в самое лютое время. Гнезд эти птицы не строят. Единственное яйцо, прикрытое животом, покоится на лапах. С этой ношей пингвины кое-как передвигаются, ни на секунду не отдавая ее морозу, и так выводят птенцов. В отличие от императорских, пингвины адели появляются в Антарктиде весною, в ноябре – декабре. (Ошибки нет, в Антарктиде все «кверху ногами».) И делают гнезда. Единственный строительный материал для гнезд тут – камни, да и те еще надо найти. И вот наблюдаешь: два яичка лежат в бордюре из камешков, и самка на них прилежно сидит. Самец в это время занят утомительным, с точки зрения наблюдателя, делом – воровским способом добывает для возлюбленной новые камни. Он идет по колонии с независимым видом – «прогуливаюсь, только и всего». Но стоит ему заметить, что сосед зазевался, хватает из гнезда его камень и убегает – скорее преподнести его даме сердца. Ему невдомек: таким же образом камни уносят и у него из гнезда. Всеобщая воровня! Самки сидят неподвижно. А джентльмены в белых манишках все поголовно заняты добыванием драгоценностей. В целом в колонии этих камешков не убывает, они просто кочуют от гнезда к гнезду. Никаких драк из-за них, все по закону, все при деле, и все довольны...

А «камень за пазухой» – изобретение человеческое.

• Фото из архива В. Пескова. 28 января 1994 г.

Коршуны-горожане

Окно в природу

Сразу скажем: такой снимок можно сделать лишь в Дели. Ничего страшного не происходит. Просто с работником русского научно-культурного центра Шерзодом Гузаировым мы поднялись на крышу дома покормить коршунов. Не все, что происходило в этот момент, попало на снимок...

Коршун – птица известная и нередкая. Живет по всему Старому Свету, исключая лишь Сахару и тундру. У нас с коршуном путают многих птиц – канюка, ястреба, осоеда. Спутать легко. Но легко в полете и различить – у коршуна раздвоенный вилочкой хвост. Недобрым словом коршуна поминают, когда со двора исчезает цыпленок. Коршун ворует. Однако чаще это делает ястреб, действующий исподтишка, из засады. А коршун долго кружится над двором, высматривает. Он всегда на виду. На него и вешают воровство. Пушкин писал даже: «...бьется лебедь средь зыбей, коршун носится над ней». Нет, на лебедя коршун напасть не может. Его добыча в лучшем случае утка, да и то раненая, ослабшая или же вовсе мертвая – не брезгует. В основном же коршунам достается всякая мелкота – птенцы, мыши, ящерицы, лягушки, рыбешка (чаще всего снулая). Деятельным охотником птицу не назовешь. Это скорее собиратель и обиратель: заметит, летит с добычей скопа – будет ее преследовать до тех пор, пока она не бросит нередко с трудом добытую рыбу. Коршун проявляет в этот момент чудеса пилотажа – на лету хватает добычу. Нахлебничество побуждает коршуна преследовать даже благородного быстрого сокола. Он тоже уступает разбойнику, предпочитая начать все сначала.

Шерзод Гузаиров и коршуны.

Всеядность и нахальство коршуна давно замечены. Во время уборки сена коршуны ухитряются таскать еду от костра у косцов. Причем хватают не только мясо, но также и хлеб. (Для скопы, сокола, даже мышееда-канюка это не пища.) Описан случай, когда живший в неволе коршун, забывая о мясе, прогонял кошку (жила с коршуном в одной клетке) и поглощал приготовленное для нее молоко с хлебом и так пристрастился к этой еде, что мясо для него перестало существовать.

Коршун – птица достаточно осторожная. И все же она лучше других хищников, не считая, возможно, лишь пустельги, приспосабливается к близости человека.

* * *

Собираясь в Индию, я два вечера просидел с орнитологом Владимиром Галушиным. На вопрос – что я увижу, на что обратить внимание? – Владимир, живший в Индии более четырех лет, сказал: «Коршуны! Они поразят тебя в Дели».

Дели, как никакой другой город в мире, богат животными. Особо следует рассказать о коровах, живущих в городе среди машин и потоков людей, о макаках, вымогающих еду, не дашь – отнимут. Запомнились большие стаи попугаев, прилетающие на ночлег в парки,

и стаи летучих лисиц-крыланов, днем висящих на деревьях вниз головой, а в сумерки улетающих на ночную вегетарианскую охоту в сады и парки. В Дели всюду, где есть вода, увидишь цапель, уток и зимородков. На большие деревья в парки слетаются ночевать грифы. Утром истошным криком тебя разбудят майны. Но в это же время услышишь нежную, почти соловьиную песню нарядной маленькой птички бюль-бюль, а днем, в жару, так же как где-нибудь под Воронежем, слышен стон горлицы. На пустырях перед глазами на мгновение может явиться мангуста, и, наверное, по численности могут сравниться с людьми пальмовые белочки – зверьки, очень похожие на бурундуков, небоязливые, вездесущие.

Но, конечно, главная зоологическая примечательность города – коршуны. Привыкнув видеть их изредка и все-таки осторожными, поражаешься обилию птиц и полному безразличию к близости человека. Коршуна видишь сидящим на ограде, на уличном столбе. Остановился рядом – никакого внимания, продолжает охорашивать перья или сидит, раскинув от жары крылья. Иногда видишь вдруг в небе круговорот коршунов – что-то заметили и сейчас начнут пикировать вниз. Бесстрашие птиц, их прекрасная ориентация в шумном потоке улицы поразительны. В самом центре города прямо из-под колес нашей «Тойоты» коршун попытался что-то схватить. Пауза для броска была так мала, что взлетевшая птица распласталась крылья перед самым ветровым стеклом. Мы испугались, а коршун ничуть – спокойно полетел над лужайкой, на лету склевывая что-то, зажатое в лапах.

В Дели живут примерно пять тысяч коршунов. По расчетам биологов, это в двадцать два раза выше средней плотности обитания их в природе. Что привлекает их в городе? Во-первых, обилие пищи – множество всяких отбросов и особая терпимость, точнее сказать, безграничное уважение индийцев ко всякому проявлению жизни. Корм коршуны находят на свалках, в мусорных кучах, во дворах, возле всяких харчевен. Некоторые постоянно держатся возле рынков, где прямо на глазах покупателей разделявают рыбу и кур. Все, что остается, буквально из-под рук уносится коршунами. Нахальство этих птиц не знает предела. Во время свадеб и всяких торжественных застолий на свежем воздухе коршуны получают свою долю, не довольствуясь отбросами, – хватают из-под носа курятину, фрикадельки, печеные сладости. От них лишь отмахиваются. Никто не бросит в коршуна камень и, уж конечно, не выстрелит.

Птицы принимают это как должное. И если кому-то придет в голову их слишком уж резко шугнуть, запоминают обиду. Владимир Галушин рассказал, как коршуны мстили ему за то, что он полез поинтересоваться их гнездами. «Во-первых, самка, сидевшая на яйцах, не улетела, мне пришлось буквально спихивать ее с гнезда. А во-вторых, птицы стали одна за другой пикировать на меня сзади и довольно основательно поцарапали голову. Мало этого, они хорошо меня запомнили, отличали в толпе, выследили, где я живу, и, как только я появлялся, норовили атаковать или возбужденно кричали, не упуская меня из виду в потоке идущих».

Видя мой интерес к птицам, друзья в Дели наперебой старались мне рассказать любопытные случаи.

– А хочешь вот прямо сейчас покормить коршунов? – спросил Шерзод Гузаиров.

– А прилетят?

– Они меня знают. И будут через минуту.

Мы поднялись на крышу дома с куском подпорченной жареной колбасы. Через минуту к вытянутой руке Шерзода спикировала первая пара коршунов. Кусочек подброшенной вверх еды был схвачен цепкими лапами. И второй – тоже. Еще через минуту над нами в крутых виражах, в ныряках и в взмывании круто вверх вертелось уже десятка три птиц. И они прибывали. Крик, похожий на смех и ржание жеребенка, сопровождал состязание завладеть в воздухе кусочком еды. Удачливого атаковали, и, случалось, едой овладевал новый счастливец. Через две-три минуты не менее семидесяти крупных красивых птиц участвовало в воз-

душном хороводе. Оповещение о возможности покормиться осуществляется просто. Парящие в воздухе птицы видят, как соседние летуны с криком снижаются и с обширной площади неба над городом, как в воронку, устремляются к месту кормежки. Похоже, птицам нравилась воздушная карусель, нравились гимнастические номера с маленьким призом самым удачливым.

Колбаса в руках Шерзода кончилась скорее, чем у меня пленка. И сразу ослаб интерес у крылатой компании к верхушке нашего дома. Пять-шесть коршунов, обманутых выбросом руки без подкрепления угощением, вслед за всеми покинули «злачное место», исчезли так же быстро, как появились.

Коршуны живут во многих южных городах мира. Но только в Дели их можно увидеть в таком обилии.

• Фото автора. 4 – 7 февраля 1994 г.

Птица в сорочке

Окно в природу

Сороку ни с кем не спутаешь. Сорока всегда на виду. Не маскируется. Напротив, контрастное ее оперение – вызывающее, и стрекотание тоже всегда выдает. Услышав сороку, лес притихает: что-то увидела, надо быть осторожным... Сороки капитально обжили Землю...

* * *

Денек серенький. Мысли о житье-бытье тоже какие-то одноцветные. Утонувшая в снегах деревенька не радует глаз, и, кажется, нет ничего, способного ободрить путника. Есть! Вот с жерди над покрытой снегом копенкой слетела сорока и, распутив угольно-черный хвост-веер, круто взмыла и села у дороги на тополь – что-то разглядывает в крайнем дворе. И ты замедлил шаги – полюбоваться нарядной, опрятной и жизнерадостной птицей, словно бы созданной для того, чтобы украсить начальный серенький день февраля. Сорока между тем бодро прошла по коньку крыши и, нырнув вниз, оставила на сугробе пальчатый отпечаток крыльев. Минутное наблюдение за красавицей что-то шевельнуло в душе, как будто к губам поднесли ложку мгновенно действующего лекарства...

Сороку ни с кем не спутаешь. Все знают заметную птицу с детства – городские люди сначала по книжкам, а деревенский трехлетний малыш поразил меня, указав пальчиком на сидевшую у плетня птицу: «Саёка...»

Я видел их всюду в нашей стране (в Омской области стаями по несколько сотен). В Осло сорока прилетала на балкон гостиницы, в которой я жил, и, склонив голову, наблюдала: что это я делаю за столом? Встречал сорок я в Африке и во Вьетнаме – на пальмах. Удивился, что нет их в Америке. Их действительно нет, но только в восточных штатах, а в западных – пожалуйста! В Вайоминге сорока села небоязливо прямо у колеса нашей машины. Была она точно такой же, как встреченная мною неделю назад в подмосковной деревне. А вот на Аляске сороки чуть-чуть иные. Белизна у них очень заметна также и на плечах. Но самое главное, голос у сорок не «жестяной», а мелодичный, похожий больше на пение, чем на крик.

Это заметил еще Григорий Шелихов, описывая мир, увиденный им двести десять лет назад. Впрочем, сороки всюду способны петь. Негромко, как бы стесняясь, они изливают душу в шепелявом бормотании-всхлипывании, предназначенном лишь для избранных своего племени.

Сорока – великолепный строитель. Ее гнезда обнаруживаешь, когда лес потеряет листву. Висят на ветках, как мохнатые шапки, и кажутся легкими. Но, запустив в гнездо руку, находишь в жилье плотный глиняный пол, а под ним шарообразный шатер из веток, охраняющий дом от всех, кто хотел бы в него проникнуть с недобрыми целями. Строительство гнезд у сорок идет споро. И они, как правило, не стремятся повторно его использовать. Вывели птенцов – и прощай! Гнездо остается неумехам – совам, куницам, маленьким соколам – и служит несколько лет.

Жилище с появлением в нем яиц сороки стараются ничем не выдать. Тщательно оглядевшись со стороны, они ныряют в гнездо безмолвно. И покидают тоже без шума и незаметно. Раньше сорочье гнездо встречалось чаще всего в стороне от мест, где присутствует человек, – в овраге, в колючих зарослях, на опушке, но в последние годы осторожные и в то же время смелые птицы строят гнезда прямо в лесном поселке, выбрав погуще деревце как раз над головою проходящих людей. И это, как видно, оказывается более выгодным – люди обнаруживают гнездо осенью, когда оно уже пусто, а все, кто может сорок обидеть, боятся близости человека.

* * *

Сама сорока – обидчица очень многих. Стоит ей заприметить чье-то гнездо – в тот же день оно опустеет, ворует сорока яйца, уносит птенцов. В Приокско-Террасном заповеднике, где однажды осенью я работал, из курятника стали исчезать яйца. Мы терялись в догадках, вычисляя грабителя. Оказалось – сорока! Может пострадать от сорок новорожденный зайчонок, ловят они мышей и ящериц, на корм малышам таскают множество всяких жуков и гусениц, уравнивая воровство «делами добрыми». Но это все точка зрения человека. Птичий же мир сороку рядом не терпит, стараясь гвалтом обратить ее в бегство. Но и сами

сороки не терпят разбойников покрупнее себя. Стоит им обнаружить сову – начинается шумный митинг. Сороки так увлекаются, что забывают свойственную им осторожность. В охотничьих хозяйствах, где сорок хотят извести, устраивают охоту с филином. Подсадную сову помещают где-либо на видном месте и стреляют сорок из укрытия.

Есть у белобоккой щеголихи странная слабость ко всякого рода блестящим вещам – носит в гнезда кусочки фольги, стеклышки, пуговицы, могут заинтересовать птицу лежащие на подоконнике часики или колечко. Одним словом, сорока-воровка.

Зимой сороки покидают лесные опушки и овражные заросли, прибываясь поближе к людям, где прокормиться полегче. Но на ночь деревню они покидают. На закате часто можно увидеть мерцающий полет сорочьих стаяк. По направлению полета можно безошибочно определить, где деревня, а где лесная укромность.

Для ночлега белобокие птицы выбирают нестарые ельники и, прежде чем в них нырнуть, совершают «вечерний молебен» – одни неподвижно сидят на елках, другие перепархивают, издавая спокойные приглушенные звуки, означающие: «Опасности нет! Отбой!» И друг за другом ныряют в еловую темноту.

Считается, что весну приносят в наши края грачи. Но предчувствие ее первыми обнаруживают вороны и сороки. Вороны уже в конце января начинают воздушные игры. А когда под солнцем засияет февральский снег, наступают праздники у сорок. Токуют они над полем вблизи лесков – взмывают кверху и ныряют, сближаясь, вниз, снова взмывают. Тишина. Небо синее. И на нем – росчерки птичьего танца: черные фалды хвостов и белее снега – сорочки.

• Фото автора. 11 февраля 1994 г.

Отчего медведь пляшет

Окно в природу

С улицы послышался стук барабана. Мы вышли и увидели мальчугана с двумя обезьянками. Он сразу же сел перед домом и начал маленькое представление. Постукивая в барабан и орудуя палочкой, мальчишка заставлял обезьянок ходить на двух лапах по кругу, танцевать, приседать. Пять минут – и артист пошел дальше, оповещая улицу барабаном.

Повсюду в Дели увидишь заклинателей змей. Внимание к зрелищу они привлекают звуками дудочки. И несколько раз я видел бродячих артистов с медведями. На ярмарке в Кулу все время теснилась толпа возле занятой пары – человек почти голый, а медведю невыносимо жарко в гималайской угольно-черной шубе. Медведь проделывал всякие чудеса, вызывая гром хохота. Специально для фотографа была показана программа особая. А у Джайпура, возле дороги, мы увидели пару медведей с мальчишками-дрессировщиками. Тут представление сопровождалось клубами пыли. Ловко орудуя палками, два повелителя заставляли медведей полностью выложиться – звери вразвалку ходили по кругу, плясали и так азартно валялись, как будто на них опустился рой пчел. Представление закончилось требованием «большого бакшиша». Но и четверть его была хорошей наградой артистам. Мальчишки, сунув за пазуху деньги, поспешили вознаградить и медведей – дали им по банану. Это был «пряник», который действует наравне с «кнутом» (палкой) при всех дрессировках – в больших цирках и у бродячих одиноких артистов.

Представление с медведем – старейшее на земле. Сейчас оно стало экзотической редкостью. В минувшем году дрессированных медведей я видел на стамбульском базаре

и в разных районах Индии. Между тем в прошлом веке «вождение медведей» по ярмаркам и праздничным скоплениям людей было в России очень распространенным, настолько распространенным, что оставило след в литературе. Вспомним пушкинских «Цыган», где молодому Алеко советуют заняться достойным ремеслом – «хождением с медведем». Все помнят некрасовский стихотворный сюжет с генералом Топтыгиным – медведь в санях, которого стационарный зритель принял за важную персону. «Видит, ноги в сапогах и медвежья шуба, не заметил впопыхах, что с железом губа».

* * *

Почти наверняка историю эту поэт взял из жизни. В России было несколько мест, где пойманных в лесу медвежат растили и обучали на потеху людям незатейливым номерам – медведь мог изобразить, как ходит пьяный мужик, как бабы полощут белье, а ребяташки воруют горох. Хорошо умели медведи, как и в Индии, под бубен приплясывать. Такого рода медвежья школа существовала в городе Сергаче Нижегородской губернии. Городок существует поныне. И название свое имеет, скорее всего, от слова «серьга», которую продевали в ноздри медведям и за которую цепляли повод-веревку. Еще один центр обучения медведей был в белорусском местечке Сморгонь. Медвежат в «сморгонскую академию» доставляли десятками. Тайны их обучения разным веселым фокусам к нам не дошли. Но известно, как обучали медведей танцам. Вот свидетельство. «Подростков медвежат помещали в клетки с медным или железным полом, под которым разводили костер. Пол нагревался, и медведь, обжигаясь, начинал переминаться с ноги на ногу, как бы танцуя. Эти движения дрессировщики сопровождали ударами в бубен. Несколько уроков такой учебы в мозгу медведя крепко связывали невольный танец с ударами бубна, настолько крепко, что стоило потом чуть тронуть бубен, как медведь начинал танцевать».

Жестокими средствами удалялись у зверей когти. Медведь – зверь добродушный, но, по мнению дрессировщиков, коварно-непредсказуемый – добродушие может в любое мгновение смениться агрессией. От зубов медведя защищаются намордниками. (Обратите внимание, в цирковых представлениях львы, тигры, пантеры намордников не имеют, носят их только медведи. Всегда в намордниках медведи и у бродячих артистов.) Но есть у медведя еще и когтистая лапа, которой он запросто может оскальпировать кого угодно. Этой возможности в «медвежьих академиях» зверей лишали. «Зверя в клетке заставляли несколько дней голодать. А потом бросали ему селедку или же солонину. Наевшись, медведь сильно страдал от жажды. Но вместо воды в клетку ставили плошку с сивухой. Охмелевший медведь засыпал. Под этим «наркозом» зверя варварским способом лишали когтей».

Все «торжество» человека над хищниками под куполом цирка достигается множеством разных приемов, в том числе и добрым, ласковым обращением, настойчивостью и терпением в дрессировке, использованием природной любви животных к игре и некоторых врожденных повадок. Заяц, например, любит колотить передними лапами, и потому во всех представлениях он неизбежно выступает барабанщиком. Вороны не боятся огня, и есть цирковой номер, в котором ворона зажигает спички.

* * *

Но самое распространенное средство при дрессировке все-таки «кнут» и «пряник». Причинить боль, заставляя что-либо сделать, и вознаградить за удачу кусочком лакомой пищи – вот путь к успеху. При этом, конечно, от дрессировщика требуется мужество. Звери хорошо чувствуют подавляющую их силу и смелость, так же как чувствуют слабость, оплошность и трусость. Когда вы видите встающих на задние ноги лошадей, не думайте, что

они это делают из любви к одетому в костюм с блестками человеку. Нет, они не раз испытывали боль от колючего предмета в его руке. И достаточно движения руки с этим предметом, чтобы лошадь поднялась на дыбы и балансировала на задних ногах. Кстати, это эффектное положение для лошади не так уж трудно принять – в природе жеребцы, сражаясь друг с другом за право водить табун, проделывают цирковые номера, стараясь противника укусить или ударить копытом. Еще успешней это сделал бы лось, у которого главное оружие – передние ноги. Но лось плохо переносит стрессовые ситуации и погибает от разрыва сердца. Возможно, поэтому мы в цирке лосей не видим.

Не платит ли дрессировщик за унижение зверя, за подчинение своей воле? Случается. Профессор Гржимек, бывший сам хорошим дрессировщиком и много внимания уделявший зоопсихологии, в своих книгах приводит любопытные сведения. «Господин Штром (цирковой администратор) поведал мне о старых цирковых происшествиях. Так, в ноябре 1886 года французскую дрессировщицу Нума-Суле разорвал ее любимец – лев Брут. Двумя годами позже погибла Берта Баумгартен по вине бенгальского тигра. Бетти Хемпель погибла в 1889 году, Эмиль Шлепфер – в 1886-м, Паулина Рассел в 1910 году в Нью-Йорке была разорвала леопардом... В 1942 году в одной только Германии зафиксировано шесть несчастных случаев по вине хищных животных, некоторые со смертельным исходом. Шнайдер, работавший с неподражаемым юмором и безмятежно расхаживавший среди тридцати львов, словно среди детей в детском саду, умер... искусанный львами».

Такие вот пироги. Признавая силу, покорный дрессированный зверь все же чувствует унижение и мстит за него при малейшей возможности. Вот почему в «медвежьих академиях» зверей лишали когтей, а иногда и клыков и без намордника зверя к людям не выводили.

• Фото автора. 18 февраля 1994 г.

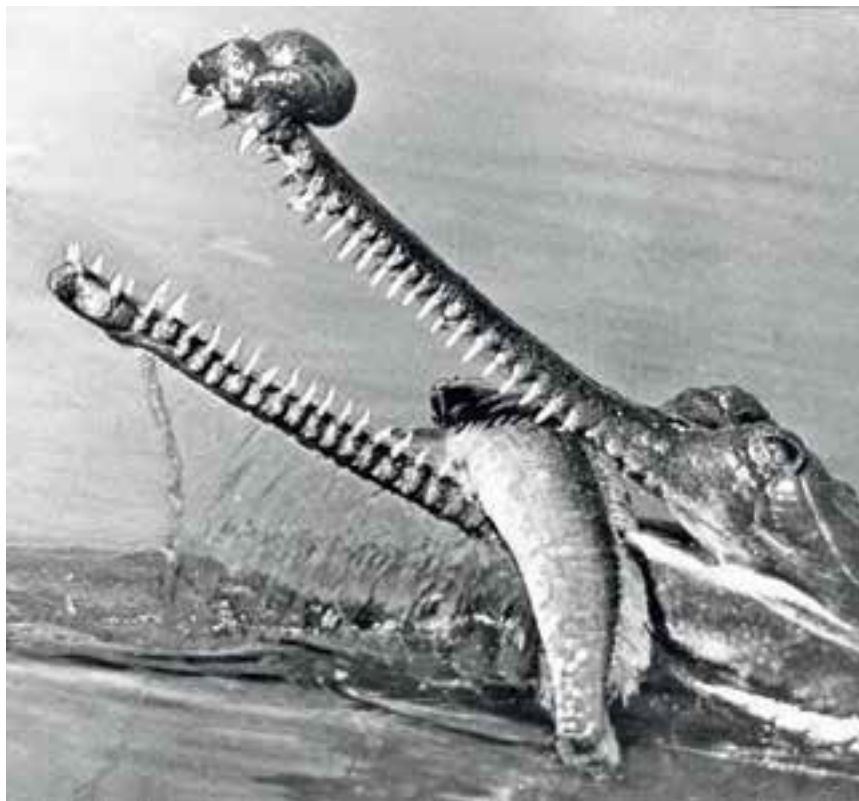
Слезы по крокодилу

Окно в природу

Я спросил Нареша: можно ли увидеть гавиала?

– А сколько времени вы собираетесь пробыть в Индии? – Получив ответ, мой друг улыбнулся: – Фильм об этих животных мы с братом снимали три года. Иногда появления гавиала ждали неделями.

Гавиал – один из двадцати с лишним видов крокодилов, обитающих на Земле. Древность невообразимая! Предки гавиалов жили в реках Индии двести миллионов лет назад. С тех пор многое изменилось. Моря стали сушей, реки меняли русла, иной стала растительность, появился и все подмял под себя на Земле человек, а крокодилы, современники динозавров, какими были, такими и остались. Гавиал среди них – самый крупный, некоторые экземпляры достигают семи с лишним метров. Экое чудовище, скажете вы, на реке, наверное, никому житья не дает? Крокодилы действительно малоразборчивы, хватают всякого у воды и в воде. Это единственные из животных, которые не исключают людей из объекта своей охоты. Однако гавиал для людей не опасен. Пища его – почти исключительно рыба. Длинный и узкий нос гавиала, похожий на палку, усаженную зубами, – прекрасное орудие рыболова. Щелкнули челюсти, и рыба в капкане. Всплыв, гавиал потрясет ее в «клюве», так чтобы в горло пошла головою вперед, если великовата – перекусит и заглотит частями. Резвые выдры, хорошо знающие, что может гавиал, а чего не может, позволяют себе дразнить крокодилов.

Гавиал лакомится.

– Смотрите внимательно, что сейчас будет... – трогает меня за руку Нареш, с которым мы смотрим фильм в его доме.

Поразительный эпизод. Две речные выдры, увидев лежащего на отмели гавиала, дерзко решили с ним поиграть – подкрались сзади и укусили за хвост. Сверкание брызг! Но шалуны уже успели отскочить в сторону и, довольные своей проделкой, наблюдают за разбуженным великаном.

Ни выдра, ни кто другой на реке гавиалу не страшен. Но как огня боится он человека. Пригревшись на солнце, крокодил засыпает. Однако все слышит. И при малейшем подозрительном шорохе устремляется в воду. Человек страшен стал крокодилам с появлением ружей. Если раньше молодые гавиалы погибали лишь в рыбацких сетях, то в последнюю сотню лет, охотясь за дорогой шкурой, человек посылает в лежащего великана тяжелую пулю. Богатые люди били гавиалов просто для развлечения. Нареш рассказывает о радже, который, пристреливая ружье и тренируя глаз, однажды за день убил сто гавиалов. Но это не все. Растущее население Индии осваивает ранее пустынные берега рек. На песчаных пляжах, где гавиалы грелись, теперь загорают туристы или ходят коровы. По многим рекам почти непрерывно плывут бамбуковые плоты, появилось много плотин, нарушивших водный режим. За четыре десятка лет произошло столько губительных перемен, что гавиалы, прожившие на Земле многие миллионы лет, стали исчезать на глазах. В 30-х годах в Инде и в реках его бассейна еще жили тысячи этих реликтов. Но в 60-х их насчитали всего три сотни. Спешным законом охота на крокодилов была строго запрещена, запретили торговлю изделиями из крокодиловой кожи. Но оказалось, не так-то просто было помочь гавиалам выжить. Даже в благоприятных условиях лишь один крокодыльчик из ста, вылупившихся из яиц, доживает до взрослого состояния – половодье уносит малышей в море, а в реках гавиальчиков караулят крупные рыбы и хищные птицы.

Выяснилось также: образ жизни древнейших обитателей Земли мало кому известен. Натуралист Нареш Беди с отцом и братом, вооруженные кинокамерами, взялись проследить скрытую жизнь крокодилов. Что же узнали? В первую очередь, что гавиалам почти негде жить. Все песчаные отмели посещаются людьми, и пугливым рептилиям стало негде не только согреться, но и сделать кладку яиц. Впервые фотокамера запечатлела интимную жизнь гавиалов – их брачные игры в воде и заботу о детях.

«С наступлением сумерек, – рассказал Нареш, – самка вышла на берег и стала рыть ямы в песке. Работала часа два. Потом более получаса, напрягаясь и издавая стонущие звуки, она клала по ямам яйца. (Молодые самки кладут два-три десятка яиц, старые – до сотни.) Потом мы наблюдали, как крокодилица пять часов, сначала осторожно, потом всей тяжестью тела, терпеливо утрамбовывала песок. Это необходимость, ибо шакалы, по запаху найдя кладку, могут ее раскопать. Близко к рассвету обессиленная работница уползла с песка в воду».

Яйца крокодилов ранее собирали люди, считая их целебными. А кроме людей и шакалов, кладки, как выяснили Нареш с братом, могут уничтожать и крысы. Они прокапывают ход сбоку, трамбовка им не помеха. Крокодилы, правда, все время где-нибудь рядом. И если шакала они еще могут прогнать, то против крыс совершенно бессильны. Так было всегда. Но при числе гавиалов во многие тысячи их роду убыль естественная не угрожала. Теперь же – «свеча на ветру», потушить ее очень легко.

Если с кладкой ничего страшного не случилось, в урочный час родители-гавиалы начинают улавливать звуки, исходящие из песка, и ночью самка торопливо ползет к заветному месту. Бережно раскапывает она песок, ревниво отгоняет папашу и других гавиалов, которым не терпится увидеть новорожденных. По отлогому склону ямы малыши выбираются на песчаную косу и скорее, скорее к спасительной воде.

Жизнь этой молодежи, сразу готовой ловить рыбешку, проходит под присмотром родителей. «Иногда, – рассказывает Нареш, – папа или мамаша катают малышей по водной заводи.

Посмотрите, как это все происходит...» Но не от всех опасностей могут взрослые крокодилы оградить молодняк. Чтобы помочь гавиалу выжить, разработана большая программа, по которой яйца из кладок забираются в инкубатор. Вылупившихся крокодильчиков растят до нужной поры и выпускают в нужном месте. Гавиалы – животные территориальные. Достигнув зрелости, молодежь в половодье, подобно бобрам, пускается в странствия – ищет для себя территорию. «Вся беда в том, что территорий таких становится меньше и меньше, – говорит Нареш, – и потому тревога за этих старожилов Земли не исчезает. Пока их численность по-прежнему не превышает трех сотен».

Бедственное положение гавиалов – один из символов умирания природы по вине человека.

• Фото из архива В. Пескова. 11 – 14 марта 1994 г.

Зима без полетов

Таежный тупик

В последнее время в редакцию «Комсомольской правды» поступают запросы. Что случилось с Агафьей Лыковой? Чем вызваны призывы в газетах и по радио срочно жертвовать деньги? Кто такой Лев Черепанов, ведущий эту кампанию? На что предназначены деньги? Вопрос законные. Они требуют ответов и пояснений.

Сначала о «ведущем кампанию». Невозможно перечислить все газеты («Сельская жизнь», «Лесная промышленность», «Труд», «Народная газета», бывшая «День», разные областные газеты и даже районные), где за подписью Черепанова вот уже несколько лет прокручивается один и тот же мотив на тему о таежниках Лыковых. Все сужено до примитивных спекуляций и подтасовок. В тупик Лыковых загнала, мол, коллективизация. Геологи заразили Лыковых, и те умерли. Строят для Лыковых не так, как надо, снабжают не тем, чем надо. Песков писать не умеет и пишет не так, как хотелось бы Черепанову. Непременно находится какая-нибудь очередная вина для Ерофея Седова, сделавшего для Лыковых, между прочим, столько, что, проживи Черепанов еще сто лет, он и маленькой доли того не сделает. Случается, уже напечатанная заметка несется в другую газету, и, странное дело, печатают.

Вся эта «Агафьяда» может повеселить. «Надо же человеку как-то кормиться», — сказал нам один из редакторов. Небезобидными, однако, являются откровенная ложь и клевета, которыми Черепанов пользуется не раздумывая. Ерофея Седова, пользуясь сплетнями, он

зачислил в любовники Агафьи. Чего стесняться – Агафья газет не читает. Ерофей же не вылезает из леса. А сейчас ведь чем крепче закрутишь, тем охотнее напечатают. И действительно, печатает непристойный вздор вполне серьезная газета. А у Ерофея – жена, дети, внуки.

Савушкин, без которого не обходится почти ни одно черепановское творенье, выглядит в них форменным вредителем жизни Агафьи, и место ему ну никак не иначе, как только в кутузке. А Песков «дошел до того, что показывал Лыковых в «Мире животных». (Разговор-то был в «Очевидном – невероятном».) Входя в раж, «корреспондент всея газет» договорился недавно до того, что, мол, «Комсомольская правда» опубликовала рассказ о Лыковых, чтобы их репрессировали. Так прямо и написано. Читателей «Таежного тупика» много. Есть ли среди них хоть один, кроме Черепанова, кому бы пришел в голову этот вздор?

Двенадцать лет общаясь с Лыковыми, мы старались помочь им всем, чем могли. Не считаем нужным говорить сейчас о том, в чем состояла помощь. Делалось все на средства Комитета леса Хакасии, на средства книжки, изданной «Комсомольской правдой» в пользу Агафьи, и на наши личные скромные средства. Никто нас к этому не обязывал. Делали и делаем это, руководствуясь человеческой совестью и милосердием. И потому считаем оскорбительными беспардонные поучения и прокурорский тон, непонятно по какому праву усвоенный Черепановым: не так сделано, не то привезли, не туда положили.

О деяниях самого Черепанова и разных его газетных художествах мы сочли необходимым рассказать 6 марта в «Труде», объяснив журналистам и читателям этой газеты, с кем они имеют дело. Тут же лишь упомянем о безрассудной затее подселения к Агафье людей, о затее, нанесшей глубокую травму женщине из Подмосковья и самой Агафье. Об истории этой Черепанов помалкивает. Зато о другой затее говорит много и с гордостью. Поскольку она имеет отношение к вопросам наших читателей, скажем о ней подробнее.

Речь идет о «радиобуе», как в обиходе называют приборчик, с помощью которого можно подать сигнал бедствия через спутник. Система эта сегодня хорошо известна. И мы, признаемся, тщательно обсуждали, не снабдить ли приборчиком хижину в Тупике? Но, взвесив все за и против, пришли к выводу, что будет от этого больше вреда, чем пользы. Во-первых, «буй» породит у Агафьи иллюзию скорой помощи – дернул за веревочку, и вертолет прилетел, во-вторых, приборчик, как показал опыт, может и отказать. И самое главное: кто в нынешних условиях будет платить за вылеты по сигналам?

Черепанов такими комплексами не страдает. Он просто с придыханием описывает, как добывал «буй», как «выбивал» деньги на перевозку его. Знал ли он при этом, что у местной власти нет сейчас средств даже на недалекий санитарный вылет к больному ребенку? Опытный, не мог не знать. Но ему дела нет до того, кто и что в этой непростой ситуации будет предпринимать.

Агафья же – взрослый ребенок. Она сама определила время, когда надо «дернуть за веревочку». Вертолет прилетел. Прибыли обеспокоенные люди – милиционер, врач. «Что случилось?» Оказалось, заболела спина, дров не может напилить. Кто упрекнет дитя тайги? Напилили прилетевшие люди дров, дали какие-то таблетки. И улетели.

Дальше с неизбежностью нынешнего времени встал вопрос: кому оплачивать этот рейс? Чтобы разрядить ситуацию (ропота было много – «с одной возятся, а остальные – пусть помирают»), Комитет по лесу Хакасии оплатил этот рейс. «Не из своего кармана», – ухмыляется в писаниях Черепанов. Куда как удобная позиция, создав нешуточную проблему, со стороны поучать, требовать, негодовать.

Между тем полет по маршруту Абакан – река Еринат и обратно стоит сегодня шесть миллионов рублей (один час полета вертолета Ми-8 – миллион двести тысяч!). Лесному ведомству таких расходов никто, естественно, не планирует. Выход? Черепанов свою «Агафьяду» теперь снабжает призывами жертвовать деньги и «шапку» для этого держит возле своего московского дома – дает по радио домашний свой телефон. На вопрос собеседницы

в интервью – когда, по его мнению, Агафья подаст сигнал бедствия? – отвечает, что где-нибудь в марте, «когда у нее возникнет авитаминоз». Что хочешь, то и думай по поводу таких заявлений.

Еще один любопытный факт. Плохое здоровье Агафьи – не новость. Позапрошлым летом, откликаясь на жалобы, мы помогли ей слетать (бесплатно, с попутными вертолетами) на таежные горячие ключи. Черепанов в своих писаниях сейчас же взялся «клеить» сердобольного Ерофея Седова – подвергает-де опасности заразить Агафью гриппом. А что же мы слышим теперь? По «Маяку», по «Радио России» и еще бог знает по какому радио Черепанов умоляет жертвовать деньги. Для чего же? Для полетов, не удивляйтесь, на... горячие ключи.

Чтобы собрать миллионы «на вертолет», Черепанов живописует ужасы зимовки Агафьи. Мы знаем положение в Тупике не хуже Черепанова. И положение с вертолетами тоже хорошо знаем. Прошлую зиму на один час в Тупик удалось выбраться только благодаря облету стоянок охотников. А в этом году даже добытчики пушнины денег на вывоз охотников из тайги в нужном количестве наскрести не могли – часть промысловиков выбирались из тайги своим ходом.

О тяготах и трагизме житья в таежном одиночестве можно писать сколько угодно. И даже слезу читателей-слушателей можно выжать. Но что эти тяготы – неожиданны? Вряд ли есть человек, который не понимал бы драматических трудностей житья в таежном одиночестве женщины, отягощенной к тому же болезнями. И как будут развиваться дела с полетами в тайгу, тоже хорошо было видно. Единственно верным выходом из положения было бы присоединиться Агафье к родственникам-единоверцам. Еще четыре года назад мы ездили посмотреть на их маленькую деревушку в горах. (Ни колхоза, ни телевизора!) Свозили туда и Агафью. Едва ли не на коленях родственники уговаривали ее остаться: «Не хочешь жить в деревне, построим избушку в таежной пустыни». Не согласилась, сказав, что «пустынь для нее там, где родилась».

Сидя в хижине у Агафьи, мы часами объясняли мучительные трудности, с которыми она будет сталкиваться в одиночестве, особенно зимой. Тщетно. Агафья стояла на своем. В «Комсомольской правде» обо всем этом было подробно рассказано. Уважительно анализировались причины, по которым Агафья не хочет двинуться с родового места. И все же, мы думаем, доводы убедить Агафью поберечь себя и не создавать мучительных проблем для людей, ей сочувствующих, достигли бы цели, если бы все, кто с нею соприкасался, действовали одинаково. Но были решительные, мы бы сказали яростные, противники переселения Агафьи к родственникам. Главный из них – Черепанов.

О мотивах такой позиции можно только гадать. Необыкновенно много в своих газетных писаниях Черепанов говорит о пресловутой «группе научной общественности» с громкой претензией: изучать положение человека в уникальной ситуации. Со всей ответственностью заявляем: ни грана науки в этой фанаберии не было и нет! Один из доводов против присоединения Агафьи к родственникам таков: «она умрет там от гриппа». Доводом этим сообразительная Агафья не преминула воспользоваться. И мы вместе с родственниками бесильны были что-либо сделать. И сколько же неуклюжего сарказма было вылито на наши головы. «Песков хочет околхозить Агафью!» – писал Черепанов в обычной своей манере.

Теперь «исследователь» почувствовал, что Агафья может погибнуть в своем одиночестве от болезней, от тягот зимы, и забегал в поисках миллионов «на вертолет». Не беремся судить, что может выйти из этой затеи. Сердобольные наши люди, делясь нищетою своей, может быть, и пришлют что-нибудь в «шапку» Черепанову. (Сомневаемся, что миллионы.) Но если даже удастся слетать в Тупик, когда «у Агафьи начнется авитаминоз», или заломает ее медведь, или повалят радикулит, воспаление легких, – что далее? Допустим, подлечат

страдалицу. Куда Черепанов намерен ее определить? Во спасение от пресловутого гриппа опять в избушку на Еринат?

Во всей истории, связанной с жизнью в скиту, счастливого конца быть не могло. Исключительность случая, взволновавшая всех нас драма людей предполагают, конечно, исключительный к ней подход. Мы поддерживали и поддерживаем все, что во благо оказавшегося в одиночестве человека. Но без спекуляций, без вздорных претензий на «изучение Агафьи». Устройство «воздушного моста» стоимостью во многие миллионы для одного человека при нынешней бедности и неустроенности людей мы не считаем ни моральным, ни богоугодным. Как быть? По-прежнему полагаем: самым благоразумным было бы Агафье Лыковой приблизиться к родственникам. Они ее ждут, примут с радостью, «готовы, коль пожелает, построить ей скит вблизи от деревни». Агафья не вполне понимает всех трудностей оказания ей помощи в нынешних наших условиях. Все же надо попытаться еще раз спокойно ей все объяснить. И мы в этом просим присоединиться к нам главу нынешней старообрядческой церкви.

• Фото В. Пескова. В. Песков, Н. Савушкин, председатель Комитета леса Республики Хакасия. 12 марта 1994 г.

Млечные тайны

Окно в природу

Утренний стакан молока. Можно, как в детстве, макнуть в него хлеб и, как в детстве, порадоваться вкусу «молочной тюри», хотя молоко из пакета не такое, как было в детстве.

Что мы знаем о молоке? До девяноста процентов воды, остальное – жиры, белки, сахара, витамины, множество разных химических элементов – скомпонованные в чудесное соединение, дающее самую полноценную пищу множеству организмов, объединенных в высший класс живого мира земли – млекопитающие. Всего их 6000 – верблюд, кошка, кит, человек, еж... Все, появившись на свет, припадают к соску с молоком, и все нужное для здоровья, для роста новорожденного есть в молоке. И если животное с этой пищей прощается по мере взросления, то человек, отлученный от материнской груди, с молоком не расстается всю жизнь, сделав из некоторых животных «фабрики молока».

У разных народов молочную дань человеку платят верблюды, яки, кобылицы и буйволицы, козы и, конечно, коровы, заслужившие кое-где поклонение. Масаи в Африке благосостояние свое определяют числом коров. В Индии корова – животное священное, употребить мясо коровы в пищу для индийца немыслимо – только молоко! В русских деревнях корову называли кормилицей. В Швейцарии корову холят, украшают цветами и нарядными звучащими колокольцами. Именно тут выведены породы коров, дающие три ведра молока в сутки. И есть среди них рекордсмены. Одна корова швейцарской породы в Канаде давала в год двадцать тонн молока. (В среднем пять с половиной ведер в день.) А летний суточный рекорд принадлежит корове по кличке Вена ярославской породы – восемь десятилитровых ведер! Однако если соотносить выделение молока с весом животного, то рекордсменом надо считать мышей. У них в момент появления приплода молоко составляет пятую часть веса тела.

* * *

Для человека молоко в питании – такая же ценность, как хлеб. Русский поэт писал: «Мне много ль надо – краюшку хлеба, да каплю молока, да это небо, да облака». Но молоко это не только что можно выпить. Это еще и масло, творог, сыр, сметана, простокваша, мороженое. И вкус продукта из коровьего вымени ценят не только люди. Поставьте перед кошкой блюдечко с молоком, и вы увидите, как резво заработает розовый язычок. Змей индийские заклинатели кормят яйцами и молоком. У меня есть снимок: корову «доят» четверо поросят. В разных местах разные люди мне рассказывали, что видели, как на водопоях и на лугу к корове подползает иногда уж и сосет молоко. Такие рассказы принимаешь на веру без сомненья, так же как и рассказы о том, что вараны на азиатских пастбищах доят коз – «оплетает ноги хвостом и с жадностью опустошает вымя».

Молоко у шести тысяч млекопитающих различно по вкусу, жирности, по составу входящих в него веществ. Но оно всегда белое. Цвет молока определяется находящимся в нем белком. Белка больше всего в молоке у крольчих (пятнадцать процентов), у китов и северных оленей (двенадцать и десять процентов). Что касается жирности, то наименьшую имеет молоко кобылиц (зато высоко содержание сахара, и потому из кобыльего молока готовят целебный кумыс). Наивысшая жирность молока у китов и тюленей – сорок пять и пятьдесят три процента. Потом идут северные олени и зайцы, у которых молоко так питательно, что обеда зайчонку хватает на два-три дня.

Вкуснее маминого молока нет!

Из чего и как молоко образуется? Нам, привыкшим видеть корову или козу, воображение подсказывает некое таинственное превращение травы или сена в белую жидкость. Но тигр, собака, волк, кошка, кит травой не питаются, а молоко у них примерно того же состава, что и у коз, оленей, верблюдов, коров. Медведицы в спячке вовсе питаться перестают. Но в берлоге родившийся медвежонок кормится молоком. Тайна образования молока сейчас раскрыта. Выяснено: «сырьем» для него является кровь. Столь непохожие друг на друга вещества – молоко и кровь – состоят из одних и тех же компонентов. Молочная железа их просто группирует в разных количествах и пропорциях, увеличивая, например, присутствие сахара в молоке в девяносто раз, жиров в двадцать, кальция в четырнадцать раз. Попадают в молоко витамины, антибиотики, минеральные вещества. И чем бы животное ни питалось – травой, зерном, мясом, рыбой, – кровь отдает молоку все, что надо, и в нужном количестве. Процесс этот тонкий, в основе его лежат химические реакции, проходящие с помощью ферментов-катализаторов. И лучше всего он изучен на примере организма коров.

Скучно в городе без коровы.

Исследованы явные и тайные пружины этого процесса. Чтобы он шел непрерывно, через молочную железу коровы каждую минуту должно проходить три с половиной литра крови (в сутки – пять тонн!). Специальные клетки железы «отжимают» из крови все молочные компоненты и по протокам подают готовый продукт в «цистерну» – у коровы она называется выменем. А тут уже либо теленок губами, либо доярка руками, либо машина с вакуумными пульсирующими трубками отсасывает молоко. Избыток его в «цистерне» доставляет коровам страдание. Рассказывают, что во время войны в селеньях, брошенных людьми, коровы бегали за солдатами – подоите!

* * *

Механизм выделения молока у разных животных во многом сходен: железа – протоки – соски. Но китенку в воде сосать молоко трудно. Оно впрыскивается ему в рот под давлением. А есть животные, у которых сосков вовсе нет. К ним относятся яйцекладущие млекопитающие – утконос и ехидна. Вылупившись из яйца, утконосик кормится молоком, стекающим по волоскам с разных мест живота матери. Сосков тут нет. У этих животных мы наблюдаем законсервированную раннюю стадию эволюции млекопитающих. Скорее всего, у многих животных выделение молока проходило вначале похожим путем. По рудиментам (соски у мужских особей, включая и млекопитающего – человека) можно судить, что когда-то детенышей молоком могли кормить и самцы. Пословица «От быка молока не дождешься» в ветхозаветные времена эволюции родиться бы не могла.

Человек не мог оставить без внимания этот ценнейший продукт. Но живая «фабрика молока» требует много внимания. Корову надо пасти, готовить ей на зиму сено, убирать навоз, доить. На протяжении веков все это было само собой разумеющимся делом. А нельзя ли, проведая тайны образования молока в живом организме, построить некую «искусственную корову» – химическое предприятие, на котором в одном конце цеха поглощался бы корм, а в другом этот корм, пройдя по трубам, котлам и фильтрам и претерпев множество тонких химических превращений, изливался бы белой жидкостью – молоком? Теоретически задача

эта представлялась вполне выполнимой. Обнадеживала и практика. В 70-х годах в Англии и Германии были созданы установки, на которых растительные продукты превращались в молоко, неотличимое по виду от натурального. Вкус у него был, правда, несколько иной, но вполне приятный, приемлемый. С этим согласились и специалисты-диетологи, и просто едоки, которым давали продукт попробовать. Несколько лет раздавался колокольный звон-радость – «молочная проблема разрешена»! Фабрики искусственного молока готовились построить в Индии, Англии, Германии. Но случилось, кажется, то же самое, что и у нас с искусственной осетровой икрой. Продукт походил на икру, но все-таки ею не был. Обнаружилось: для производства искусственного молока нужна не только картофельная ботва или сено, из которых организм коровы ухитряется делать полноценное молоко, но и дорогостоящий арахис. И не стало «машинное молоко» полноценным целебным продуктом. Разговоры о нем поутихли.

* * *

Варианты высокопродуктивного корма для малышей есть не только у млекопитающих. Как известно, не существует птичьего молока, но голуби и антарктические пингвины кормят своих детенышей отрыжкой, напоминающей творожную массу. Одна из рыб (дискус), живущая в Амазонке, кормит мальков желтой питательной слизью своего тела. Когда мамина порция корма съедена, малыши устремляются к папе и так вырастают на некоем подобии молока. Вариант высокопитательной пищи давно обнаружен в улье. Матку рабочие пчелы кормят продуктом, который зовется пчелиным молоком (апилак). Без него матка не могла бы «червить» – откладывать в день до двух тысяч яиц, превышающих весом тело насекомого-матери.

Все живое высшего класса проходит стадию «молокососа». Тюлени кормят детенышей всего две недели. У человека этот период во много раз более долгий. Я помню деревенского пятилетнего малыша, уже понимавшего неловкость просьбы и тянувшего за кофту мать в укромное место – «дай сиси!». А на Аляске мне рассказали: эскимоски в прошлом кормили детвору грудью до пятнадцати лет.

Кровь с молоком! – говорим мы, глядя на здоровое лицо человека. Африканские масаи (сам наблюдал) лучшей едой и напитком считают коктейль из крови и молока. У бычка из яремной вены берется кровь и тут же в калевасе – посуде из тыквы – смешивается с парным молоком. Европейца этот напиток вряд ли прельстит, но в еде ведь очень большую роль играют привычки и предрассудки. Китайцы в прошлом питали к молоку отвращение, тогда как у многих народов молоко ценилось извечно. В Непале даже помазание на царство совершалось молоком, сметаной и творогом. И у разных народов таинственное скопление звезд на небе называется одинаково – Млечный (то есть молочный) Путь.

• Фото В. Пескова и из архива автора. 25 марта 1994 г.

О курах и деньгах

Окно в природу

Веселых случаев, всякого рода занятных историй, связанных с живой природой, в копилке «Окна» немало. Вот, например, папка с надписью «Небылицы». В ней вырезки из газет и журналов с явными заблуждениями, смешными преувеличениями и наивной уверенностью, например, что существует не только снежный человек, но и русалки. Вот папка с надписью «Всякая всячина». Все тут подлинное, не вызывающее сомнений, подтвержденное снимками, но больно уж много всего и слишком пестро. Например, любопытнейший факт: когда в Альпах пробили туннель, соединивший Италию с Францией, перелетные птицы – скворцы, малиновки, дикие голуби, ласточки, – сокращая путь над горами, стали пользоваться туннелем. Или явление, похожее на первоапрельскую шутку, однако подлинное, тщательно исследованное учеными. Горностаи оплодотворяют только что появившихся на свет детенышей, находя гнездо их по запаху матери. Зародыши в организме малюток «дремлют» до той поры, пока самочки станут взрослыми. Китенок на жирном материнском молоке прибавляет в весе на сто килограммов в сутки. И так далее – в полном смысле всякая всячина, пестрая, не объединенная какой-нибудь темой.

А нельзя ли припомнить занятные, но суженные в некое руслице факты, привлекательные настолько, чтобы их можно было с интересом прочесть не только на сон грядущий, но только в электричке, но даже так вот – сидя на ослике?

Возьмем ходовое нынче слово «деньги». Кажется, что может быть далее от Природы! Но откуда выражение «денег – куры не клюют»? Могут ли куры в самом деле клевать деньги? Могут. И об этом знают немало хозяек, потрошивших куриные тушки на кухне. В желудке у птиц находят крупный песок, камешки и нередко монеты. В детстве, помню, мама показала мне стертый гривенник из желудка петуха. Иногда о таких случаях пишут газеты. Вот небольшая заметка двадцатилетней давности. «В селе Долматове Курганской области у пенсионеров Смирновых в желудке курицы, предназначенной для лапши, обнаружили целый клад – восемнадцать истершихся – еле видно орла и решку – монет». Иногда в желудке у птицы находили и драгоценные камешки. Все это птицам, зубов не имеющим, надо для перетирания пищи.

Кто видел большие медные монеты двух прошлых веков, догадывается, что не в то время родилась поговорка насчет денег и кур. Родилась она раньше. Когда-то на Руси роль денег выполняли беличьи шкурки. Легко представить, каких размеров кошель был нужен идущему на базар. И потому самоценную шкурку скоро вытеснили ее символы – ушки от шкурки. Потом даже ушки стали делить. Кое-кто слышал, наверно: была в ходу денежка под названием полушка. Это не что иное, как половина ушка от шкурки.

Кожаные деньги куры вряд ли клевали. Но вот при Иване IV Грозном стали чеканить деньги из серебра – мелкие, похожие на расплюснутую горошину монетки с изображением всадника с копьем. Называть их стали «копейками». Отправляясь на базар, щепотку серебряных «копеек» обыкновенно клали за щеку, и продавец, получив деньги, тоже их прятал в столь же надежное место. Конечно, «копейки» терялись. И, надо думать, серебряные эти чешуйки очень охотно клевали куры. Вот тогда, скорее всего, родилась знаменитая поговорка. Она отражает закономерность. А вот забавные случаи с деньгами уже бумажными.

Жители улицы Красноармейской в Кривом Роге стали однажды свидетелями занятой сцены. Из скворечника, стоявшего возле уличного забора, птицы деловито стали вышвыривать деньги. На улицу сыпались десятки и пятерки. Соседи Николая Коваленко, лихорадочно собиравшего эти дары, не понимали, в чем дело. Оказалось, Николай накануне обчистил родственницу и спрятал деньги в скворечнике. А птицам клад не понравился. Любопытно, происходило это осенью, когда скворцы навещают свои жилища перед отлетом на юг.

А вот недавнее сообщение в «Известиях». Житель Кзыл-Орды, не доверяя деньги банкам и кассам (кто им сейчас доверяет?!), хранил свои сбереженья в сарае. Решив однажды проверить наличие капитала, хозяин обнаружил в коробке труху. Деньги – девяносто пять тысяч – сожрали мыши. Известен случай, когда ассигнациями выстилали свои убежища крысы. В гнезде аиста я обнаружил однажды линялую трехрублевку.

А возвращаясь к деньгам металлическим, стоит вспомнить рассказ, который я записал в американском Парке Секвой. Когда этот парк-заповедник был учрежден, его посетили два известных биолога – профессор Уолтер Дин и профессор Уолтер Фрой. Расположившись заночевать под пологом леса, Уолтер Дин рядом со спальным мешком положил в шляпу очки и три монеты в несколько долларов. Утром, заглянув в шляпу, профессор обнаружил в ней лишь ошметок навоза с конной тропы. Профессор обвинил друга в неумной шутке. Но тот решительно заявил, что это дело не его рук. Но чьих же? Воришку обнаружили вечером, когда возвращались к ночлегу. На глазах у людей из палатки с вилкой в зубах убегала древесная, похожая на белку крыса. Разыскав нору воришки, биологи обнаружили в ней ночную пропажу.

Воришек, любящих разного рода сверкающие вещицы, в природе довольно много. На Аляске в национальном парке Денали сойка (прозвище птицы – «пикниковый воришка») прямо из-под рук у меня увела пинцетик, которым я приготовился вынуть из пальца занозу. Всем известна такая вороватость сорок и ворон.

А вот случай, в основе которого – иные повадки. Запорожец Анатолий Ткачук ловил спиннингом рыбу в Днепре. В один из забросов с руки у него соскочил браслетик с часами. Огорчение от потери скрашено было рыбацкой удачей – поймал Анатолий огромную щуку. Представим теперь удивление парня, когда дома, начав потрошить рыбу, обнаружил он в щуке свою браслетку с часами. (Хвала московскому часовому заводу – часики тикали!) Занятный случай, но чуда тут нет. Игру блесны хищники принимают за трепыхание рыбки. Шедший ко дну браслет соблазнил щуку. Впечатляет совпадение – она же попалась и на крючок. Но и тут чуда нет. Щуки живут оседло. Известны случаи: оторвав одну блесну, хищница тут же хватала другую.

И в заключение об акулах. Желудки этих прожорливых хищников приносят куда больше сюрпризов, чем куры и щуки. Акула всегда голодна и глотает все что попало. То, что не может желудок переварить, остается в нем без видимого вреда для хозяйки. В утробах акул находили часы, монеты, очки, банки консервов, кастрюли, бутылки, кортики в ножнах, гвозди, почтовые посылки. Однажды обнаружили даже помятую пишущую машинку. Во время Второй мировой войны в желудках акул находили пряжки матросских ремней, револьверы, ручные гранаты. В одной из книг о войне я прочел: «В брюхе акулы американские моряки обнаружили капсулу с ключом от шифра, которым пользовались японцы».

В сравнении с этими находками стертый гривенник, обнаруженный в потрохах курицы, – сенсация маленькая. И все же, я помню, с большим интересом разглядывал эту монетку, не понимая, зачем это куры глотают деньги и камни.

• Фото из архива В. Пескова. 1 – 4 апреля 1994 г.

За кулисами лесной сцены

Окно в природу

Думаю, всем интересно узнать, как сделан этот вот снимок – «Идут купаться». Был жаркий день. Все мы – режиссер, оператор, фотограф, дрессировщик и два медвежонка – устали. Оператор сказал: «Стоп, камера! Пойдемте купаться!» И мы пошли к речке. Медвежата с удовольствием ковыляли на задних лапах, не расставаясь с людьми. Но, увидев воду, они вырвались и, как два футбольных мяча, скатились в нее с бережка. Минут двадцать, остывая возле воды, мы наблюдали возню медвежат, подымавших фонтаны брызг. А потом вместе с ними делали то же самое. Где это было?

Сразу после войны во Владимирской области близ городка Петушки в лесной болотистой зоне был создан необычный зверинец. Его обитателям предстояло сниматься в фильмах. Создавал зообазу фронтовик-разведчик, зоолог и опытный охотник Георгий Георгиевич Шубин. Он был тут хозяйственником и дрессировщиком. Для содержания зверей под Петушками завели огороды, держали корову, коз, получали со скотобойни свежее мясо. Забота и хорошее питание были необходимы, поскольку большинство животных попадали сюда малышами. Их воспитывали, приучали к присутствию человека и дрессировали так, чтобы перед камерой они вели себя в соответствии со сценарием фильма.

Татьяна Юрьевна Яркина с новой кинозвездой.

Люди старшего поколения помнят превосходные, обошедшие экраны мира фильмы о нашей природе. Их делали режиссеры Александр Згуриди, Борис Долин, Агаси Бабаян, операторы Нина Юрушкина, Анатолий Казнин, Эдуард Эзов. Все сейчас – старики, а иных уже нет. Но имена их остались в титрах фильмов, которые время от времени появляются на телеканалах.

В тени всегда оставались дрессировщики. Но именно их усилиями достигался эффект естественного поведения животных в кадре. Мастерами в этой работе были Георгий Шубин и Анатолий Жадан. Они хорошо знали законы поведения животных, знали границы возможного, преступать которые при съемках было нельзя.

Съемки часто велись в окрестностях зообазы, но со своими питомцами Жадан и Шубин выезжали в тайгу, в пустыню, на океанские побережья. Был ли в этой работе риск? Был. Шубин при съемке, например, нападения волков на оленя мог подойти и отнять у голодных зверей добычу. И волки поджимали хвосты, признавая верховодство в стае за человеком, их воспитавшим. Но и при таких отношениях надо было уважать все тонкости поведения животных.

Однажды беременная волчица Машка, у которой Шубин выщипывал шерстку возле сосков, чем-то была разгневана – по характерному сигналу волчицы на дрессировщика бросился волк Лобан и так отделал его, что, навестив друга в больнице, я увидел на койке человека в бинтах, походившего на шелковичный кокон. Карьера волка-артиста на этом закончилась – Лобана пристроили в зоопарк. А Шубин, выбравшись из больницы, сразу вернулся к своим питомцам. И они, включая волчицу Машку, облизывали ему лицо, по-прежнему признавая главенство в стае.

* * *

Анатолию Макаровичу Жадану пришлось однажды при мне решать задачу, предусмотренную сценарием. Надо было снять эпизод: косуля попала в ловчую яму, освобожденная человеком, она должна была выглядеть обессиленной. Как это сделать без вреда для резвой кинозвезды? Опытный зоолог знал способ. Небольшая клизма из алкоголя сделала свое дело – вынутая из ямы косуля на трясущихся ногах пошла к ручью и припала к воде.

Многих лесных артистов я хорошо знал. Вот с этими медвежатами, помню, мы кувыркались на лугу так, что от моей рубашки остались клочья. Подолгу я простаивал возле вольера с рысью. Она лежала невозмутимым, спокойным сфинксом. А на спине «сфинкса», как на матрасе, нежились четыре-пять кошек, для этого удовольствия проникавших в вольер, – родня! А с Георгием Георгиевичем Шубиным мы наблюдали однажды сорок, подлетающих к клетке, где обретались сороки-невольницы. Чем занималась эта родня? Оказалось, птицы, состоявшие на хорошем довольствии в клетке, в зимний морозный день через сетку – из клюва в клюв! – давали мясо оголодавшим вольным подругам.

На базе жил грач, которого я, забавляясь, угощал сухарями. И всегда этот грач с подбитым крылом вел себя одинаково – через весь большой двор он шествовал к площадке с водой, размачивал в ней сухарь и принимался за трапезу. Тут дрессировки не было, все врановые – грачи, сороки, галки, вороны и вороны – до таких действий доходят своим умом.

Было на зообазе много разных животных. Часть из них заводили под какой-нибудь фильм. Но были тут ветераны, для которых в каждом фильме находилась хотя бы эпизодическая роль. В их числе был общий любимец Филька, недавно умерший от старости. Его не надо было дрессировать, роль его была всегда одинакова: филин тарасил глаза и крутил головой, как бы удивляясь происходящему в тайниках леса.

На главные роли, как в хорошем театре, в фильме надо иметь дублеров. Во-первых, потому, что с «примадонной» на съемках может что-то случиться, и, во-вторых, одно животное не в состоянии выполнить все, что хотят сценаристы и режиссеры. Джой Адамсон, рассказывая, как снимался в Африке фильм «Рожденная свободной», назвала шесть исполнителей главной роли – львицы Эльзы. Одна львица смело входила в дом, другая в отличие от всех остальных безбоязненно ездил на крыше автомобиля, третья умела мастерски открывать двери. Все шесть животных были задействованы в фильме, а зрители принимали их всех за одну львицу Эльзу.

* * *

В одном из лучших фильмов, сделанных в Петушках («Тропой бескорыстной любви»), рассказывалось о судьбе маленькой рыси, выросшей в большого красивого зверя. На эту роль были взяты два рысенка из одного помета. Оба выросли в доме у дрессировщика, были к нему очень привязаны. Снимали их прямо в лесу без ограды. Но животные, как и люди, бывают умны, талантливы, а бывают и туповаты. Самочка в избранной паре была гением, а самец таковым не был. Потому самочка, нарабатывая опыт, все время снималась, а рысенок находил удовольствие в наблюдении за сороками. Но вот однажды умная героиня наполовину готового фильма решила, что куда интересней возни перед камерой экскурсия в лес. Она не побежала, а тихо пошла на огромных и мягких лапах-подушках. «Кунак! Кунак!» – звал дрессировщик. Но рысь как будто не слышала привычного голоса. Так и ушла. Судьба ее неизвестна. А вторую половину фильма пришлось снимать с ленивым, нелюбопытным дублером. «Полгода мучились над тем, что беглянка могла бы сыграть в две недели», – рассказывает оператор Анатолий Казнин.

После съемок идут купаться.

Возможно, с рысью как-то неверно повел себя дрессировщик. В похожей ситуации, когда в бега от камеры устремилась вполне ручная группа волков, дрессировщик Шубин скомандовал: «Съемки остановить! Всем молчать! Повернуться спиной к волкам и идти!» И что же, странный прием сработал. Воспитанные в неволе волки испугались своей свободы, решили, что брошены, и вернулись все разом.

Волки в «лесном театре» всегда были на главных ролях. Спрос на них – не только в природоведческих фильмах. Эпизоды для некоторых художественных фильмов снимались под Петушками, либо волков возили на съемку в нужное место. Помните в фильме «Война и мир» охоту с борзыми на волка? Помните печальные глаза во весь экран – пойманный волк? Эту роль исполнял знаменитый, позже покусавший дрессировщика, матерый, сильный Лобан.

Нужность и популярность зоологической базы столь была велика, что министр железнодорожного транспорта по просьбе киношников сделал прямо против нее платформу Леоново, где и поныне делают остановку электрички, идущие в Петушки и Владимир.

* * *

И теперь нота грустная. Замерла, почти умерла московская студия научно-популярных фильмов – безденежье, нерентабельность некогда очень нужной людям продукции. Простаивают цехи, уходят в «творческие» (безденежные) отпуска люди. Но если съемочная аппаратура хлеба не просит, то один из цехов студии не может без него жить, этот «цех» – петушинская зообазы, «лесной театр». В газетах промелькнула даже заметка: «Зверей скрепя сердце придется перестрелять».

На днях, встревоженный, я побывал в Петушках. Все как будто по-прежнему. У входа гавкает постаревший кобель Туман. Из клетки напротив вторит ему от скуки научившийся лаять орел. Над местом, где кормят волков, летают сороки. За изгородью торчат олени рога. Молодая женщина-дрессировщица Татьяна Яркина вышла навстречу гостю с великолепной, выросшей в доме у нее рысью. Зверь потерялся о мою ногу, аппетитно зевнул и, пока мы с Татьяной Юрьевной тихо беседовали, ходил по лесному загоу, прислушиваясь к новым для рыси весенним звукам.

«Нет, никого пристреливать не собираемся. Это просто немыслимо. Все животные для нас – как дети, выросли на руках, – вслух размышляет дрессировщица и директор «живого цеха», работающая тут уже более десяти лет. – Нет, будем держаться...»

Но только на этой помощи «живому цеху» висящей на волоске студии не продержаться. А так хочется, так важно, чтобы студия выжила и чтобы выжили четвероногие кинозвезды, помогающие нам познавать Природу. Татьяне Юрьевне я обещал посильную поддержку «Фонда помощи зоопаркам». Но, может быть, кто-то найдет возможность напрямую помочь терпящим бедствие?

Всех, кто откликнется, просим об этом сообщить в «Комсомолку». Давайте все вместе поможем выжить маленькому, но важному очагу нашей культуры. Ни один выстрел отчаяния не должен прозвучать в Петушках!

• Фото автора. 8 – 11 апреля 1994 г.

Кто кого?

Окно в природу

– Бвана (господин), как ты думаешь, кто король джунглей?

– Стоило ли об этом спрашивать. Ты же знаешь, что лев...

Это разговор у костра из книги об охоте на диких зверей. Разговор этот почти всегда возникает и когда беседуешь с ребятами. Обязательно спросят: а кто сильнее всех?

Лев – царь зверей, говорят издавна. В самом деле, кажется, нет ему равных и в силе, и в гордой осанке. Но в Африке я наблюдал, как лев трусливо уступил дорогу слону, уверенно шедшему по каким-то своим делам. Лев может напасть на слоненка, но хорошо знает, что надо бояться бивней, хобота и мощных ног слона взрослого, способного даже «царя зверей» буквально втереть в землю. Но есть слабое место и у слона – хобот. Инструмент этот нежен, его легко повредить. Хобот слон бережет. А если теряет, то вместе с ним теряет и жизнь. Ведь хоботом он отправляет в рот пищу и воду. Без хобота – такие случаи наблюдали – слон начинает пастись на коленях и скоро превращается в скелет. Два силача столкновения стараются избежать. Но дорогу непременно уступит лев.

В природе, где хищник и жертва связаны одной веревочкой выживания, действует много разных законов. Основной из них: погибает, как правило, ослабевший, больной, потерявший бдительность. С другой стороны, и хищник-охотник постоянно должен быть в форме, ибо жертве природа дает рога для отпора, быстрые ноги, быстрые крылья, изощренную маскировку. Тонкое равновесие помогает выживать той и другой стороне. Причем жертва хорошо чувствует, когда надо бояться, а когда можно врага даже и подразнить. Там же, в Африке, приходилось наблюдать, как антилопы импалы демонстративно резвились на глазах отягощенного пищей льва. Они хорошо понимали, что лев, и без того бегун не из сильных, в этот момент им совершенно не страшен. Есть у хищников специализация. Лиса будет преследовать зайца, рысь же – караулить добычу, забравшись на дерево, она терпеливо дожидается, когда заяц пробежит мимо, и обрушится на него из засады. По-разному ведут себя ближайшие африканские родственники – леопард и гепард. Лучший из всех бегунов гепард в мгновение ока настигает добычу. Леопард же, как и рысь, предпочитает охотиться из засады... И, кажется, нет в природе умельца маскироваться лучше, чем эта пятнистая кошка.

* * *

Кое-кто охотится стайей – одни в засаде, другие гонят. Волки – характерный пример. А индийские красные волки, похожие на некрупных собак, в гонке за антилопами меняют друг друга. Жертва часто бежит по некоему кругу, держась своей территории, и охотники этим пользуются, один устал – его меняет другой. И жертва изнемогает.

Ворон атакует орла.

О специализации хищников и приемах защиты их жертв можно рассказывать много. А что происходит, когда пути сильных, избегающих столкновения животных все же пересекаются, когда голод, раздражение или иные причины заставляют их пустить в дело когти и зубы? Тут много любопытных историй.

На Дальнем Востоке бок о бок живут два зверя – медведь и тигр. Обоим, как говорится, палец в зубы не клади. И ни один из них без нужды беспокоить другого и не подумает. Но лет двадцать назад мне подарили снимок: на снегу, как гильотиной обрубленная, голова тигра. По следам охотники восстановили картину жестокой схватки, из которой победителем вышел медведь, сожравший противника. Какая причина заставила двух властелинов тайги схватиться? И можно ли сделать вывод, что исход таких столкновений всегда одинаков? Вряд ли. Никто не знает, в каком состоянии был тигр и что заставило его нападать или принять по необходимости бой. Такие случаи окружены тайной.

Но вот история, у которой были свидетели, причем с кинокамерой. Нареш Бэди, с которым я познакомился в Дели, показал редкие кадры, снятые из засидки на дереве около водопоя. В жаркое время, когда температура в джунглях достигает сорока с лишним градусов, все живое стремится к воде. И вот из-за очень удобного места для нападения возникла ссора

между тигром и леопардом. Силы у этих кошек неравные. Леопард не должен был лезть на рожон. У животных, так же как у людей, есть характеры сумасбродные. Несколько раз Нареш с братом слышали запугивающее рычание кошек. И однажды, почти уже в сумерки, выведенный из себя тигр бросился на строптивца. Кинокамера запечатлела великолепный прыжок тигра в желтые заросли, а лента магнитофона засвидетельствовала драматическую грызню. И утром прямо на камеру вышел победитель с жертвой в зубах. Вот он на снимке, свидетельствующем: у родни случаются поединки.

По мнению Нареша, в индийских джунглях независимей всех держатся дикие буйволы. Было немало случаев, когда буйволы не убегали, а смело выступали навстречу тиграм и побеждали.

Слоны индийские несколько мельче африканских собратьев. Не у всех из них есть бивни. Но сила этого великана уважается в здешних лесах. Все же изредка столкновения возникают, противники у слонов – либо тигр, либо вздорные по характеру и безрассудные по храбрости носороги. Побеждает обычно слон. Но вот случай, обошедший газеты в ту осень, когда мы с Нарешем возле экрана обсуждали повадки обитателей джунглей. Жители деревни Кхеджури (штат Орисса) обнаружили погибших в поединке слона и тигра. Считают, что тигру в заповеднике Симилипал не понравился зашедший на его территорию слон-одиночка. Неизвестно, как долго длилась схватка, но, судя по рваным ранам на хоботе, слон истек кровью. А тигра нашли придавленным рухнувшей четырехтонной массой.

Малый большому в поединках иногда может противостоять, только объединившись с собратьями. На сельском дворе в Ростовской области я наблюдал, как два маленьких петушка бентамской породы объединились против здорового деспота – огромного, как будто из бронзы отлитого, петуха. И что же? Одолевали!

Африканские бабуины как огня боятся леопарда, но лишь в одиночку. А в стае они сами страшны желтой кошке. И если для смелого леопарда бабуин – лакомая добыча, то обезьяны (клыки у них тоже большие!) довольствуются бурной радостью при виде растерзанного врага.

Дружной и агрессивной ватагой некрупные птицы повергают в бегство большого и опасного для одиночек хищника. Так, совы не рискуют днем оказаться на видном месте – возле них сейчас же закружится негодующий хоровод мелкоты. Вороны, часто попадающие ястребу-тетеревятнику, объединившись, гонят разбойника прочь. Или вот, посмотрите на снимок, сделанный на Аляске, ворона (на Аляске вороны – черные) смело атакует местного великана – орлана-белохвоста. Но этой смелости есть причина – орлан вторгся на гнездовый участок вороны.

Три фактора сообщают отвагу животным и позволяют одолеть им или хотя бы прогнать противника более сильного: защита своей территории (дома стены помогают!), защита законной добычи (попытайтесь отнять у кошки пойманного воробья или мышку) и защита потомства – смертельно опасно оказаться между матерью и медвежатами, между лосихой и лосенком, вблизи тигрят.

* * *

Есть и смешные истории, когда великаны испытывают панический страх перед существом очень маленьким. У меня есть снимок, слоны в зоопарке жмутся в угол и оглядываются на ежа – знают: колется. А в Африке страх на многих может нагнать муравей из рода муравьев странствующих. Надо видеть, что это такое. Мой друг Михаил Домогацких, когда в Танзании мы прокрадывались с фотокамерами к слонам, вдруг лихорадочно стал срывать с себя одежду. Оказалось, под штанину ему забрался и «огненно» укусил его муравей.

Слоны, если такой муравей залезет в хобот, приходят в неистовство, колют хоботом по деревьям. Похоже ведут себя и другие животные. Вот уж действительно, большого осилил маленький.

- Фото из архива В. Пескова. 15 – 18 апреля 1994 г.

Свидание у Селигера

Окно в природу

Болотистый лес, заполненный хмарью тумана, капель с жидкого сосняка, хлюпанье снега с водой под ногами – самая середина апреля у Селигера, время глухариных токов... И вот они, характерные звуки – «тк! тк!..», а следом «точенье», заставляющее замереть сердце. На кроме болота виден и сам бормотун. Черный. Хвост веером. Брови красного бархата. Он то затихает, прислушиваясь, то с генеральской важностью ступает по снегу, и вдруг побежал – резво атакует кого-то... Все дальнейшее непосвященному показалось бы сказкой. Глухарь устремился к линиялой палатке, возле которой на пнях сидят двое людей. Глухарю бы их испугаться, а он вроде как напоказ – кругом, кругом пошел по снегу, прямо под ноги сидящим.

* * *

Год назад мы рассказывали о глухарях, живущих почти что в центре Москвы во дворе Кирпичевых – отца-орнитолога и сына-охотоведа. Рассказано было о муках и радостях дела, не приносящего денег, но крайне важного, если помнить, что жизнь рано или поздно станет с головы на ноги и обретут ценность простые и вечные ее проявления.

Глухарь – одна из веточек зеленой и пышной кроны дерева жизни. Птица эта куда более древняя на земле, чем всюду ныне царствующий человек. Но депрессии, как сказал бы ученый, глухариный мир пока не повержен. Глухари процветают, где люди не досаждают этой крайне чувствительной к беспокойству птице. Таких мест на земле, однако, все меньше и меньше. Зоны обитания лесного крылатого великана сужаются. И важно возродить глухаря там, где он когда-то был птицей обычной. Еще заманчивей вывести птицу, не слишком чувствительную к присутствию человека. Задача оказалась далеко не простой, и многие, взявшись ее решать, отступились. Сергей Кирпичев не отступил сам и вырастил наследника – сына, с малолетства разделявшего с отцом муки и радости пионерского дела.

В прошлый раз мы рассказывали, как живут выращенные Кирпичевыми птицы на московском дворе, как появляются они из яиц в инкубаторе («ноу-хау» Кирпичевых), как их «пасут» – воспитывают на глухих болотах у Селигера. Очередной этап работы – попытка не шарахающихся при появлении человека птиц «вписать» в природу в самый ответственный момент для глухариной жизни – в период тока. Для всего этого еще в марте отец с сыном по снегу вывезли глухарей в относительно малодоступный район Волговерховья. Натянули между деревьев сетки вольер, поставили палатку для наблюдений. Но у молодого Кирпичева родилась дочка. На время он отлучился в Москву, оставив отца в лесу одного с глухарями.

И вот мы вместе с молодым папой бредем по заболоченному, залитому водой апрельскому лесу. Кто ходил в это время к глухариным местам, знает все тяготы этих передвижений – ставишь ногу в след идущего впереди человека, а в нем, как в кувшине, коричневая вода. Время от времени воду надо выливать из сапог. Портянки не меняем, выжимаем – и снова на ногу.

Но сколько радости в мокром апрельском лесу! Оттаяли, оказались на виду следы глухариных ночлегов. Где-то невидимы трубят журавли. Вблизи от родового гнезда, на сосне, видим, как уже прилетевшие скопы сгоняют ворона – загодя протестуют против присутствия

тут разбойника. Заполненный водой след рыси. Но можно увидеть и след медведя. Медведи тут есть.

Семикилометровый путь по лесному болоту кажется нескончаемым. Хватаем с набухших почек перезимовавшие ягодки клюквы и переставляем, переставляем онемевшие от мокроты в сапогах ноги... Но вот он, запах дымка. Видим палатку и слышим токование глухарей. А через две минуты обнимаемся с небритым, пропахшим лесом и дымом, похожим на лешего (но в берете!) Кирпичевым-старшим. Разговор шепотом: «Как дела?» «Все по плану».

* * *

Глухари на току обжились. И, казалось бы, выпусти их из-под сетки, сейчас же скроются с глаз. Нет, к месту они привязаны, не улетают, а если выпустить двух или всех четырех сразу, начинаются жаркие петушьи драки, драки такие, что одного из бойцов Кирпичев-старший спасает, схватив его на руки.

В январе я видел всю компанию глухарей в одном не слишком просторном вольере, сидели бок о бок – братское дружелюбие. А март и апрель сделали птиц яростными соперниками. Запал схватиться хоть с кем-нибудь распространяется даже и на людей. Один из глухарей делает круги возле нашей стоянки. И что интересно, Кирпичева-старшего он принимает за самку и лишь кружится, распустив крылья, а Кирпичева-сына глухари почему-то считают соперником, и Саша вынужден сидеть тихо-смирно. Иначе быть синякам от мощного клюва. Чтобы утвердить свою роль, Кирпичев-старший изображает руками трепыхание крыльев самки. Для глухаря-ухажера на току это ключевой раздражитель, сигнал к спариванию. Любопытно, что даже имитация этого сигнала действует безотказно.

Весенний ток – кульминационная точка в лесном житье-бытье глухарей. Самцы, слетевшись на ток, на рассвете издают турнирные бормотанья, оглушая себя настолько, что охотники уже тысячи лет пользуются этим, подбираясь к охваченным страстью птицам на выстрел.

С деревьев возбужденные петухи слетают на землю для турниров на глазах у смирно сидящих неприметных сереньких самок. Петухи в азарте бдительность притупляют, но самки настороже, чуть опасность (близость человека, рыси, лисицы, куницы) – негромкое квохтанье, и весь хоровод глухарей улетает. Если же все спокойно. Турнир проходит по древним правилам: бородатые, краснобровые ухажеры ходят гоголем, приспустив крылья, в азарте подпрыгивают вверх и схватываются так, что, не будь на шее у них мускулистой брони, наносили бы друг другу смертельные раны. Но все кончается миром – выявлением достойных продолжить род. Как самки это определяют, от человеческого глаза ускользает. Но как-то определяют. Кирпичев-старший, много раз наблюдавший тока, рассказывает: «К избранному глухарки устремляются в очередь, и он ведет себя, как неугомонный султан. Другим же иногда приходится лишь поправлять истрепанные перья».

Покрытая самочка на току уже не появится. Где-нибудь поблизости несколько дней она будет искать подходящее для гнезда место. И наконец на сухой гриве возле ствола сосны в лесной ветоши она выроет ямку и положит в нее яйцо. Через несколько дней – второе. Потом яйца будут ложиться в гнездо ежедневно. (В отличие от дворовой курицы глухарке для гнездовой кладки довольно одного свидания с петухом.) Улетая кормиться, глухарка накроет кладку старой хвоей и мелкими ветками. Делает она это, скорее всего, чтобы яйца не охлаждались. Когда потеплеет, кладка уже не покрывается ветошью. Окраской яйца сливаются с окружающим фоном, пройдешь – не заметишь.

Глухарята вылупляются на двадцать пятый день насиживания, и самка, дав им обсохнуть, сразу уводит в большую жизнь. Поведенье молодняка до поры, когда он встает

уже на крыло, регулируется материнским голосом: «Замереть!», «Ко мне!», «Есть пища!». Однажды вблизи Оки, проезжая по лесной тропе на велосипеде, я спугнул глухарку с уже ставшей на крыло ребятней. Мать перелетела на правую сторону от тропы, а глухарята остались в желтых папоротниках слева. На настойчивый призыв матери уже почти взрослые птицы одна за другой пролетели прямо над моей головой, оставив ощущение сказочного события...

А зарождается глухарина жизнь на току. Сюда и прилетит потом молодняк. Самочки уже на первом году готовы к играм. Молодые же петухи со стороны наблюдают, набираются опыта.

Для Кирпичевых важно проследить поведение городских питомцев на природном ристалище – как токуют, привлекают ли к себе внимание самок, будут ли спариваться, выдержат ли конкуренцию соперников-дикарей? (Они тоже токуют тут, по соседству.) Все это требует пристального и осторожного наблюдения. И группе людей вблизи тока долго оставаться нельзя. Сдав вахту сыну и сделав важные распоряжения, Кирпичев-старший манит меня к костерку в глубине леса. Опорожняем чайник и тихо прощаемся с Александром, которому жить тут отшельником еще с полмесяца.

* * *

Дорога обратная с тока была еще труднее, чем днем. К деревушке, светившейся пятью окнами, мы, с трудом различая следы на снегу, вышли уже в темноте. Долго кричали, вызывая проводника дядю Мишу. (Он, ожидаючи нас, прикорнул.) Пришлось жечь смолье в надежде, что кто-то увидит огонь за разливом реки. Трещали на костре сосновые щепки, кричала в мокром лесу неясность и волнующе бормотали, журчали, лились в темноте апрельские талые воды.

Наконец послышалось с того берега: «Еду, еду!» На дощатом корытце, служащем дяде Мише лодкой, мы переправились в деревеньку. И, выпив трехлитровую посудину молока,

свалились в постель как подстреленные. После полуночи я, однако, почему-то проснулся с мыслью о глухарях. У них в этот час начиналась предрассветная брачная переключка.

• **Фото автора. 22 – 25 апреля 1994 г.**

Нить длиною в пять тысяч лет

Окно в природу

На промышленной выставке в Дели я увидел странное деревце, увешанное плодами, напоминавшими чуть вытянутое куриное яйцо. Оказалось, сухое деревце для привлечения посетителей украсили шелковичными коконами. Я поразился размерам коконов, в Узбекистане видел их совсем небольшими. «Дикая форма», – ответил усатый индеец в чалме и, видя заинтересованность, показал мне коконы небольшие, показал и шелковичных червей, яростно поедавших зеленые листья тутовника. На память шелковод подарил мне гроздь коконов: «Храните в тепле. Через две недели из них появятся бабочки-шелкопряда».

Кокон шелкопряда.

Я благополучно привез подарок в Москву, повесил мешочек с коконами в ванной комнате и однажды утром на полотенце обнаружил довольно крупную, мохнатую, коричневатую бабочку с зеркальцами глазков на крыльях. Бабочку я снимал так и сяк. К сожалению, на этом жизненное ее предназначение кончилось – однажды, вернувшись с работы, я нашел ее высохшей. При естественном ходе явлений бабочка нашла бы себе кавалера, отложила бы несколько сотен яичек (грён), а из них появились бы крошечные червячки, которых надо было бы кормить тузовыми листьями. Набрав вес, в десять тысяч раз превышающий первоначальный, и четыре раза перелиняв, червяки-гусеницы стали бы обматывать себя шелком – тончайшей нитью, представляющей собою не что иное, как застывшую слюну гусеницы. Если кокон, размочив его предварительно в горячей воде, размотать, нить протянется на расстояние более километра. Дорогие шелковые полотна сотканы из этих тончайших нитей. Первыми догадались получать шелк китайцы, приручив бабочку-шелкопряда.

* * *

Конфуций в своей «Книге книг» упоминает, что китайцы знали шелковые одежды три тысячи лет до нашей эры (пять тысяч лет назад). Сделав шелковичного червя домашним животным и научившись получать неповрежденными его нити, китайцы много веков были монополистами в производстве прекрасных тканей. Караванами верблюдов по просторам Азии везли эти ткани к Средиземному морю, откуда они расходились по всей Европе. Товар был столь желанным и дорогим, что Великий шелковый путь охранялся военными силами и дипломатией разных правителей.

Производство шелка, так же, как и фарфора, многие сотни лет было китайским секретом. Попытки его разведать карались казнью. И все же нашлись смельчаки это сделать. Первым – принцессой, отданной замуж за правителя Бухары, – руководила любовь, яички шелковичных червей своему возлюбленному привезла принцесса в пышной прическе. А два монаха проделали то, что сегодня называется промышленным шпионажем, – принесли в Византию яички шелковичных червей в полых дорожных посохах.

Все секретное рано или поздно становится несекретным. В первую очередь шелководство распространилось в сопредельных Китаю странах – в Японии и Корее. А к середине VI века секретами шелководства владели уже во многих странах Южной Европы, там, где могли размножаться шелковичные черви и рос тутовник – единственное растение, которым может питаться привередливый червь.

* * *

Что же собой представляет занятное насекомое? Нить-пряжу делают два десятка разных шелкопрядов. Среди них многим известен дубовый шелкопряд – злостный вредитель, пожиратель листвы в дубравах. Его люди также пытались поставить себе на службу. Но шелкопряд тутовый оказался непревзойденным поставщиком прочной «сияющей» нити.

Работа с червем хлопотлива, требует аккуратности, но до тонкостей отлажена тысячелетней практикой. От мохнатых бабочек получают яички (грёну) размером с маковое зерно. Шелководы и называют их зерном, измеряя его по весу. Мерой, как у золотого запаса, является унция (около двадцати пяти граммов), в каждой содержится в среднем тридцать тысяч яичек.

Это дремлющее живое богатство на зиму шелководы помещают в прохладное помещение, а весной внимательно наблюдают за набуханием почек тутовника. Как только брызнет первая зелень, яички из погреба переносят на свет божий и, повышая температуру на градус в день, на десятые сутки видят появление из яичек крошечных волосатых червячков.

И сразу же начинается великий жор – успевай подкладывать зелень. Аппетит новорожденных так велик, что вес их каждые сутки удваивается. И если в день рождения все вместе (тридцать тысяч) они весили граммов пятнадцать, то через месяц масса их вырастает до ста пятидесяти килограммов, и эти не слишком симпатичные волосатые существа продолжают есть почти непрерывно. Луи Пастер, наблюдавший однажды трапезу шелковичных червей, написал: «Шум, производимый их челюстями, напоминает проливной дождь в лиственном лесу». Тутовники в это время стоят с голыми ветками. (Кто бывал в Средней Азии, помнит эти деревья, с которых режут и режут веточки с листьями для ненасытных червей.)

Вырастают гусеницы до восьми сантиметров. Они совершенно глухи, но имеют пять «близороких» глаз и чувствительное, унизанное волосками тело. Четыре тысячи мышц (в восемь раз больше, чем у человека!) дают возможность гусенице искусно вращаться и изгибаться, но большая часть их поддерживает тело в объемном состоянии. Если эфиром червя усыпить, он распластается, как снятый с ноги чулок.

Важным органом взрослого белого, полупрозрачного существа являются огромные слюнные железы, составляющие почти половину его веса. И наступает момент, когда эти резервуары начинают работать. Шелководы внимательно следят за этим моментом и готовят для каждой гусеницы насест из веточек. И вот «процесс пошел» – начинается выделение слюны. На воздухе она сразу же превращается в тонкую нить. Дело гусеницы – вертеться так, чтобы нить обволакивала ее, превращаясь в «ореол», «газовое облако» и, наконец, в «плотный туман» кокона. Через три дня, сделав триста тысяч движений, гусеница опорожняет наконец слюнные резервуары и затихает в коконе, превращаясь постепенно в куколку, из которой через некоторое время появится совершенно не похожая на червяка-гусеницу бабочка. Но шелководы дают этому биологическому процессу пройти до конца лишь малой части коконов, чтобы получить от бабочек яички. Остальные колыбельки из шелка бросают в горячую воду. Куколки в них погибают (часто идут на корм рыбам в прудах), а коконы, промыв хорошенько в теплой мыльной воде, бережно начинают разматывать, получая непревзойденный по качеству материал для шелковых чулок, галстуков, платьев, кардинальских сутан.

Человек давно научился получать волокна от разных растений (хлопка, конопли, льна), научился делать много волокон искусственных. Но все они не могут сравниться с застывшей слюной волосатого червяка, названной шелком.

• Фото автора. 13 мая 1994 г.

О священных коровах и обезьянах

Окно в природу

В индийской столице много животных, обитающих бок о бок с людьми. Положите где-нибудь в парке орех – сейчас же им овладеет крошечная, похожая на сибирского бурундука белка. Полосатый зверек вездесущ – шмыгает по деревьям, пробегает у вас под ногами, заглянет в открытые двери. Он так же привычен в Дели, как наши сельские воробьи.

Заметна нарядная и горластая птица майна. Повсюду – коршуны. Более редки грифы. Но вечером они собираются на ночлег, и тогда видишь на одном излюбленном дереве десятка три-четыре громадных угрюмых птиц. Попугаи вечером тоже возвращаются с промыслов в парки, а висевшие весь день на деревьях головой вниз летучие лисицы отправляются на ночную охоту за фруктами. На воде видишь уток, цапель и больших, размером с галку, нарядных зимородков. Вся эта живность кормится возле людей, совершенно человека не опасается, привычна к суетлоке и является колоритной, заметной частью южного города.

Особо надо сказать о коровах и обезьянах.

Кормление обезьян.

* * *

Сначала о коровах. Их встретишь всюду – в глухом извилистом переулке, в парке, на запруженной автомобилями улице, лежащими возле бедной лачуги и на лужайке перед домом правительства. Невозмутимость и спокойствие их поражают. Иногда корове взбредает в голову лечь прямо посредине проспекта, по которому бампер в бампер теснятся авто-

мобили, ищут щели проехать мотоциклисты. А корова лежит, как философ, задумчиво опустив веки. Объезжают. Никто не заденет и не прогонит – корова!

Выражение «священная корова» стало понятием нарицательным. Этот образ употребляют, когда хотят сказать о чем-нибудь оберегаемом вопреки здравому смыслу. Выражение пошло отсюда, из Индостана.

Благодарное уважение к корове хранится в быту у многих народов. В русских деревнях говорили «кормилица»... В Африке у масаев достаток семьи определяется числом коров. Коровенки худые, костлявые, молока от них нередко, как от быка. Но надо видеть, с какой гордостью гонит масай по пыльной саванне свое большерогое стадо! По этому стаду все видят, чего добился масай в бременной кочевой жизни. В американском «молочном штате» Висконсин я видел возле дороги скульптурное изображение «дарительницы молока».

Особо надо сказать о швейцарских коровах. Сказать, что тут за коровой заботливо, хозяйски ухаживают, значит, сказать очень мало. Корову тут холят, лелеют. Крестьянин, имеющий стадо голов в двенадцать – пятнадцать, кажется, именно о них думает в первую очередь, а потом уже обо всем остальном в жизни. Трудно сказать, что на уме у местных коров, но вид у них от постоянной заботы аристократический – не корова, а королева! «Я плачу за все молоко и достойна вашего уважения», – могла бы сказать корова, если бы вдруг начала говорить под звуки громадного (едва ль не с ведро) колокольца, висящего на широком шейном ремне.

О швейцарских коровах вспомнил я в Индии. «Священная»... Действительно, у индийцев к корове отношение, как к божеству. Корову никто не тронет. Даже случайный убой животного карался раньше тюрьмой. Говядину в Индии не едят. (Вегетарианцу отвратительна даже мысль о котлете, а те, кто мясную пищу приемлет, едят кур и козлятину.) От коровы – только молоко! Павшее животное отвезут на скотомогильник, где мастер из касты неприкасаемых снимет с коровы шкуру, остальное достается грифам и коршунам.

Все, что от коровы, для жителей Индостана все равно что от бога. «Непальский король на царство помазан был медом, маслом, творогом, молоком». А индийские бродячие мудрецы садху мажут себя коровьим пометом. И все находят это естественным, богоугодным и почитаемым.

Многие, наверное, подумали: «священная корова» в Индии живет в холе и неге. Увы, нигде не видел я существа обездоленного больше, чем городская корова.

Никто не подумает ее напоить, накормить – добывая все сама! Но что может добыть беспризорное, травоядное существо на земле, покрытой асфальтом, камнем и смрадом выхлопных газов? Тощая – кожа и кости – страдальца жует брошенные газеты, находит что-то съедобное в мусорных кучах, банановая кожура под ногами для нее, как конфетка.

Ходячие эти скелеты бездомны. Но мне объяснили: за ними все же кто-то приглядывает, не даст уйти далеко по каменным городским лабиринтам. Когда у коровы появляется теленок (как это может случиться – загадка), ее водворяют в загон и некоторое время доят, снабжая кормами все из тех же отбросов улицы, охапка травы, принесенная издалека, – лакомство. А потом корове опять дают «вольную», и она снова становится городской скитальцей, обреченной тереться боками о стены и автомобили.

Деревенским буренкам живется лучше. Но пастбищ им не хватает. Приходится перемещать их туда, где можно как-нибудь накормить. (Возле Джайпура я видел стадо, парализовавшее на полчаса все движение на шоссе, – несколько тысяч голов.) От хронического недоедания коровы всюду выглядят истощенными и молока дают семь-восемь литров. (В Швейцарии – двадцать пять – тридцать литров.) На Индию приходится пятая часть поголовья крупного рогатого скота мира. Увы, количество без качества (знакомое и нам тоже) приводит скотоводство в жалкое состояние. Слова «священная корова», когда на корову посмотришь, воспринимаются как ирония.

* * *

И обезьяны. Эти не бедствуют, этим возле людей живется неплохо. Лесные «родственники человека» нередко совершают набеги на сельские огороды, а городские попрошайничают так успешно, что процветают и сделались частью городской жизни. Кучкуются они там, где можно чем-нибудь поживиться, чаще всего на туристских маршрутах. Возле дворца усыпальницы одного из правителей вблизи Агры обезьяны заставой перегораживают дорогу туристам, требуя «пошлину». Замешкался – вырвут угощение из рук, причем предпочтут в первую очередь завладеть шоколадкой, а потом уж печеньем или кулечком с арахисом. Тут же возле дороги обезьяны кормят детенышей, предаются любви или ищут друг у друга в шерсти насекомых.

В Дели есть место, куда люди специально ездят кормить обезьян. Это нечто вроде благотворительного деянья, влияющего на судьбу дающих. На «обезьянью дорогу» в парке приезжают молодожены, приезжают после удачной сделки торговцы или страдальцы с мыслью избавиться от болезни. На обочине – продавцы с корзинами бананов. Но обезьяны к ним не подходят, зная, что ничего не получают. Зато бананы купившего обступают, дергают за штаны, вырывают еду из рук. Конечно, тут же ходят коровы. Им достается то, что обезьяны, угощаясь на ветках, бросают вниз – кожура от бананов. И свиньи с поросятами, неизвестно кому принадлежащие, тоже шныряют возле дороги. Всем на пиру что-нибудь достается.

Наблюдая кормление обезьян, мы заметили дородного старикана в белых одеждах. Он приехал с мешком чапати (лепешек), и легион попрошаек следил за рукой, достающей гостинцы. Оказалось, контролер кинотеатра Сушил Кумар каждый вечер приезжает сюда с лепешками – «лечит жену». «У нее плохо с сердцем. А как начал кормить обезьян, пришло улучшение». Мешком чапати можно накормить десятка два голодающих ребятишек – их в Дели много, но старик убежден: болезнь отступит, если кормить обезьян.

Животных в Индии почитают, но почитанье принимает, на взгляд стороннего человека, формы нередко очень занятные. Есть, например, секта людей (джайнистов), у которых благоговение перед всем живым так велико и запрет «не убий!» всеобъемлющ настолько, что джайнисты метелками расчищают путь под ногами, дабы не раздавить муравья или иную козявку, в которую, согласно их вере, может переселиться душа человека.

В каждом монастыре – свой устав.

• Фото автора. 20 – 23 мая 1994 г.

Перо на память

Окно в природу

В глиняном горшке на столе у меня живописный букет из перьев, привезенных на память из разных мест. Перо павлина, филина, глухаря, орла, журавля, ворона, бриллиантом сверкает крошечное перо колибри. Разный цвет, разная форма перьев. Погладишь «против шерсти» – перо лохматится, но пропущенное несколько раз между пальцев оно чудесным образом обретает прежнюю форму – превращается в изящную, упругую и легкую пластину, набор которых в крыле позволяет птице надежно опереться на воздух.

Рассмотрев перо в микроскоп, видишь сложное его строение. От полого стержня, переходящего в четырехгранник, в одной плоскости в разные стороны отходят бородки, снабженные множеством крючков. Соединяясь друг с другом, бородки образуют изящную плоскость пера. Легко догадаться: остроумная эта конструкция уязвима. Загрязнились. Помялись бородки, и стройность пера нарушилась. Потому-то птицы бережно ухаживают за нарядом. Опрятность их даже вошла в поговорку – о моднице, приводящей себя в порядок, скажут «чистит перышки».

Намокание перьев делает их тяжелыми, нарушает строение. Все знают, как жалко выглядит мокрая курица. Или вот посмотрите на грифов. Я снял их в Африке после ливня – летать не могут, сели просушить перья. С другой стороны, гуси, утки, лебеди и много других летунов воды не боятся, «как с гуся вода», говорим мы о чем-либо, последствий не оставляющем. Но для этого перья должны быть хорошо обработаны жиром и особо плотно лежать на теле. Многие видели, как утки смазывают свое одеяние, выдавливая жир из копчиковой железы и пропуская перышки через клюв. Цапля и козодой железы не имеют, избежать намокания им помогает специальная пудра. Ее получают из перьев же, растущих в определенных участках тела. Клювом они измельчаются в водоотталкивающий порошок, которым птицы себя обсыпают.

Перо на память.

Пренебрежение чистотой для птицы опасно. Карл Гогенбек рассказывает курьезный случай. В его Гамбургском зоопарке в чане с водой утонули... шесть уток. Оперение птиц было чем-то загрязнено, намокшие, отяжелевшие утки не могли взлететь и оказались на дне. В наше время великих перемещений нефти подобная гибель пернатых выглядит уже

не курьезом, а большими трагедиями. При авариях танкеров разлитая на воде нефть обрекает на гибель сотни тысяч различных птиц – пуховой покров слипается, не греет, и перестают служить птице крылья. На Аляске я видел, как отмывали от нефти уток, гусей, орланов. Спасти удалось немногих.

* * *

Перья – важная часть в облике и строении птиц. Считают, что перьевой покров возник у предшественников птиц за миллионы лет до того, как эти животные стали делать, и служил вначале только для согревания тела. Главным событием, сделавшим птиц птицами и обеспечившим им процветание, было появление перьев.

У каждой птицы перьевой наряд сложен – различают рыхлый пуховой покров, сохраняющий тепло, кроющие и контурные перья, придающие птице соответствующий облик, и жестко-упругие маховые и рулевые перья, обеспечивающие полет. Наряд этот хрупок и довольно быстро изнашивается. Раз или два в год птицы его обновляют (линька) – растущее перо выталкивает из лунки старое. Происходит это не у всех птиц одинаково. У большинства линька растянута по времени – выпадает одно перо, через некоторое время другое, и, таким образом, птица не теряет способности летать. Кормящие самцы и самки линяют в разное время, не оставляя птенцов без защиты и корма. Но некоторые птицы меняют рулевые и маховые перья разом. Летать в это время они не могут, и потому уязвимы. За линными птицами на Аляске, например, охотятся волки, лисицы, медведи. Линных гусей аборигены раньше добывали с помощью палки. Это научило гусей искать для линьки укромные, мало кому доступные уголки.

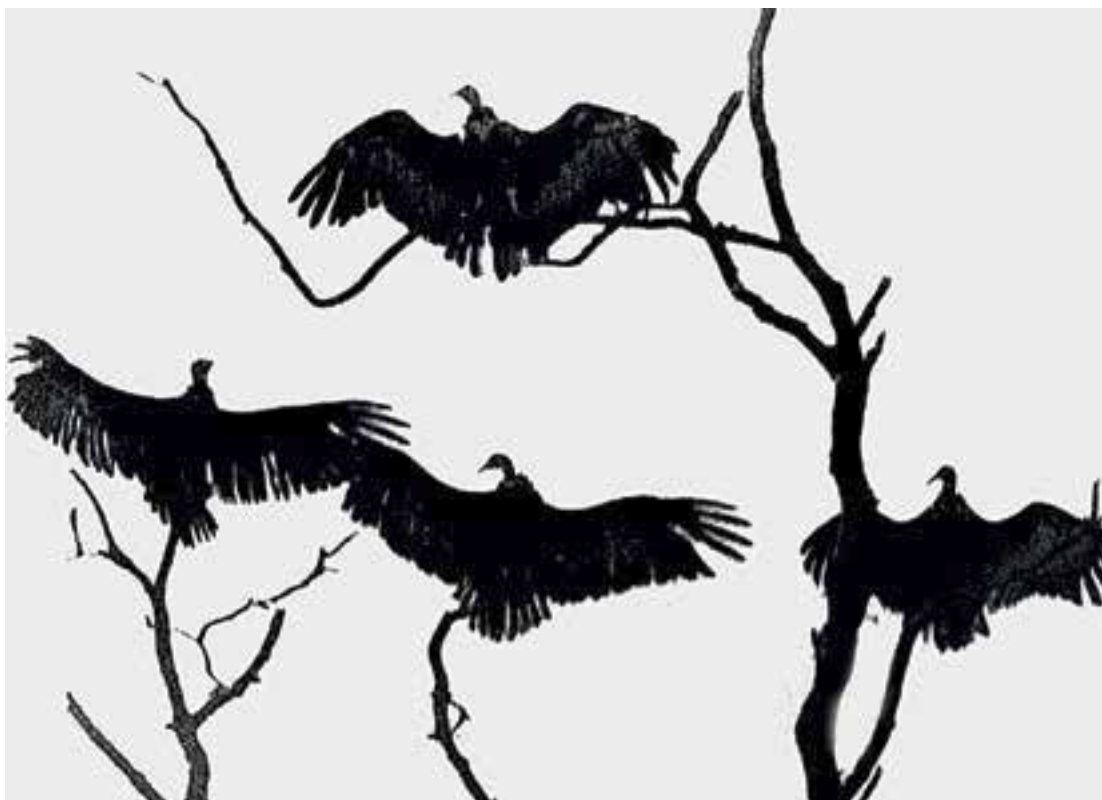
Самка тропической птицы-носорога разом сбрасывает перьевую одежду, но для безопасности замуровывает себя в дупле, и кормит ее «в окошко» самец. В сезон четыре раза, приспособиваясь к окраске тундры, линяет белая куропатка. (Белая она только зимой, летом перья коричневые.) Разом и полностью теряют перья пингвины. Голышом топчутся они на одном месте, неспособные в холодное время нырять, кормиться. Новые перья растут у пингвина быстро, четырнадцать дней – и он уже щеголяет в новом блестящем наряде.

Перелетные птицы дальний путь непременно начинают в обновке. У зимующих с нами птиц число перьев в холодное время больше, чем летом. Для любознательных скажем: лебедь имеет на теле двадцать пять тысяч перьев, утка – в два раза меньше, у кур – десять тысяч, у маленьких воробьиных птиц – до двух с половиной тысяч.

Перья при движениях птицы могут «подавать голоса». Мы знаем: крылья «хлопают», у ворона при полете слышен скрип перьев, полеты уток сопровождаются свистом, бекас, пикируя на току, хвостовыми перьями блеет барашком. У сов же крылья «глухие». Бородки перьев у них рассучены и гасят звуки, позволяя птицам бесшумно настигать жертву.

* * *

Особо надо сказать о красоте птичьих перьев. Вспомните петуха, а еще лучше фазана – радуга красок. Сверкание всех цветов и оттенков. Еще дальше фантазия природы пошла в украшении павлина, райских птиц, малюток колибри. Или вспомните зимородка, щегла (щегол – значит щеголь), удода, тетерева, у которого белый цвет хвоста сочетается с угольно-черным оперением тела, вспомните кипенно-белых на север пролетающих лебедей и черных лебедей из Австралии, вспомните «красные яблоки» снегирей в заиндевелом лесу, вспомните нарядный струйчатый рисунок в оперении рябчиков, розовой тучей летящих фламинго. А сорок с ее черным, отливающим зеленью хвостом и белым, как снег, бочком! И даже курочка рыба – черное с белым – необычайно красива.

Грифы сушат перья.

Интересен механизм расцветки перьевого наряда. Часть красок (пигментов) в перо попадает в результате сложных физиологических процессов в организме. Но, например, белый или голубые цвета образуются не пигментом, это всего лишь результат отражения света от прозрачных и полупрозрачных клеток пера. (Так же объясняется белизна снега.) В сочетании с пигментальной окраской «оптические» цвета дают удивительные по красоте переливы – вспомним колибри, попугаев, сизоворонок, синиц.

Изысканность красок во внешности птиц, конечно, не способ порадовать глаз человек. Цвета рассчитаны на партнеров по жизни, по ним определяется видовая принадлежность, и можно подумать также, что в окраске пера, в ее интенсивности в брачный период закодирована жизнеспособность организма, возможность соревноваться во время тока за право продолжить род.

В птичьем мире демонстрация привлекательности обычно отдана петушкам, самочки часто окрашены скромно, под цвет обстановки, где им придется сидеть в гнезде.

* * *

Красота перьев часто становилась несчастьем для летунов. На райских птиц в тропиках нещадно, несмотря на запреты, охотятся ради перьев. Из-за перьев для дамских шляпок в конце прошлого века были почти полностью истреблены белые цапли. Белые перья страусов в Европу из Африки доставляли для украшения рыцарских шлемов и опять же дамских уборов. В американской штате Нью-Мексико мне дали примерить накидку вождя индейцев, подаренную в свое время писателю Сетону Томпсону. Она состояла из множества разной окраски перьев. А в музее Аляски видел я телогрейку, сшитую из птичьих шкурок, перья с которых ошипаны не были. Такую одежду во времена Русской Америки носили алеуты.

Ценность пера знакома человеку с первобытных времен. Стрелы для устойчивости в полете лучники оперяли. Тростниковые палочки для письма писцы постепенно сменили на гусиные перья. (Пишем теперь другим инструментом, а ножи сохранили название перочинных.) Перины, подушки – опять же перья. Опахала, метелки, снаряженья мяча для игры в бадминтон, мушки для ловли рыбы – все птичьи перья. Есть сказочный образ «перо жар-птицы». На Мещере считают: найти перо журавля – на счастье, в Казахстане счастливой находкой считают перо совы, а желая друзьям удачи, мы говорим, как охотникам: ни пуха, ни пера.

В Дании некий Хансен собрал коллекцию – миллион птичьих перьев. Коллекция стала музеем. Разглядывая перо, поражаешься красоте и совершенству этой удивительной конструкции природы.

• Фото автора. 27 – 30 мая 1994 г.

Долгое ожидание

Таежный тупик

Телеграмма Николая Николаевича Савушкина была короткой. «В Хакасии жара. Начиная гореть леса. Возможно патрулирование вертолета. Если сможешь, вылетай немедленно».

Немедленно я и вылетел, очутившись после мокрой холодной Москвы в пекле, какого не знал и в Африке, – в тени 36!

15 июня патрульный вертолет полетел над наиболее ценными кедрками, пропиленными Абаканским каньоном. Маршрут знакомый. Узнаю каменистые сопки с остатками снега с северной стороны. Изумрудная летняя зелень распадков прошита белыми нитками пенистых речек – Абакан принимает талую воду хребтов. Потоки встречного воздуха несут в нутро вертолета прохладу. Но вот примета – там внизу жарко: три оленя выбрались на вершину хребта и стоят на «половичке» тающего снега – охлаждаются.

Пахучая тайга то плывет в синем каньоне, то вдруг несется верхушками кедров под самым брюхом машины – видно фиолетовые, еще мягкие в это время кедровые шишки. Слава богу, дымов не видим. Пожары в тайге – либо от молний, либо от спичек, но в этих диких, малодоступных местах людей сейчас нет, а жара стоит ровная, без гроз и дождей. На борту самолета специалист по пожарам летнаб Владимир Кувшинов. Но Николай Николаевич, отложив городские дела, летит и сам. Посмотреть обстановку.

Ну и, конечно, мысли наши о людях, «запертых» в этой тайге обстоятельствами. Их сейчас двое – Агафья и Ерофей. Ерофей залетел еще в прошлом году в августе перед началом охоты – помочь Агафье вырыть картошку. Зимой охотился. Но вертолет, вывозивший охотников из тайги, забрать его не сумел. Часть промысловиков по дороговизне летного времени выбиралась из тайги своим ходом. Охотничья избушка Ерофея – одна из самых дальних в тайге. Он выйти не мог. И от него ни слуху, ни духу. «Перебрался к Агафье...» Это было предположение. Но если и так, каково жить в бездействии, в напрасном ожидании услышать шум вертолета! Никто не летал полгода. Перезваниваясь с Николаем Николаевичем, мы только вздыхали – что там в «усадьбе» Агафьи? Два раза приезжала к Николаю Николаевичу дочь Ерофея с немим вопросом. Успокаивали как могли: «Еды там хватит, житейского опыта тоже». Но сами были в тревоге. У Агафьи плохи дела со здоровьем. И каково «двум медведям в одной берлоге»? Печальный опыт зимовок, когда друзья становились врагами, известен многим.

С этим тревожным чувством и подлетали к очажку жизни такому маленькому, такому затерянному в горных зеленых дебрях.

* * *

К севшему вертолету из-под полога леса, как в детективе, вышли трое рослых мужчин, бородатых, в линялой одежде они брели через речку, ощупью находя ногами подводные камни. Передний, кажется, Ерофей. А где Агафья? Отлегло от сердца – вот и она! Кажется, стала еще чуть меньше. Обычное, мышинного цвета платье-мешок, резиновые сапоги, белый, испачканный сажей платок. Улыбается, машет рукой. Фу-у... Кажется, все в порядке.

Ерофей колет пропахшей дымом бородищей, тискает в медвежьих объятьях.

– Ну, слава богу. А я уже твердо решил: еще два-три дня, и попытаюсь идти пешком.

– А это кто?

– Потом расскажу...

Выгружаем мешки, сумки, ящики с рассадой, сено для коз. Спыхватываемся: в пожарной спешке забыли клетку с давно припасенными и ожидавшими часа курами.

Агафья сияет.

– Уж как ждали, как ждали...

Объясняем, почему вертолеты не прилетают. Кивает: «Понимаю...» Но не все ей понятно в нынешней жизни.

Знакомимся с незнакомцами. Впрочем, в одном узнаю Уткина Алексея, работавшего в геологической партии. Лет десять назад он казался мне бородатым мальчиком, заглянувшим к Лыковым по любопытству. Теперь это был лысый, бородатый мужик, но по-прежнему кроткий и обходительный. Представил своего друга.

– Владимир... Мы с ним с Алтая пешком...

Глаз у Владимира острый, на загорелых руках – наколки до плеч. Агафье, чувствую, хочется, чтобы нам с Николаем Николаевичем понравились эти двое пришельцев издалека. Около Алексея вьется тетеркой: «Он из маминого края. Тятя его любил». Даже прильнула к бородачу. Даже не возражала, а как бы даже обрадовалась, видя, что я снимаю их рядом.

– Давно пришли?

– Три дня назад.

Ерофей стоит в стороне, улыбается философски.

В последний раз я видел эту «усадьбу» полтора года назад зимой. Все тут тонуло в перинах снега. Сейчас все в зелени. На огороде, круто идущем в гору, синее полоска ржи, кудрявятся грядки с горохом, с морковкой, в бороздах уже окрепла зелень картошки. Кора высокого кедра, кладущего тень на посадки, кольцом у земли снята. Кедр начал сохнуть и скоро пойдет на дрова. Огромные пни по соседству из-за трудности их корчевать выжигаются. Огород у Лыковых всегда был первым объектом внимания. А Агафья по-прежнему главную базу жизни стремится расширить.

Постройки и двор возле них похожи на маленький разоренный «шанхай». Две жилые избы, курятник и загородки. В них теперь уже старожилками обитают четыре козы и куры, на которых покушался недавно медведь, но, спугнутый, убежал со двора. Вряд ли его испугали развешенные повсюду линялые красные тряпки. Испугался собачьего лая. Он был тут залиvistым. У старожилки Дружка и помогавшей Ерофее охотиться Мурки тут неизбежно случился роман. И следствие его налицо – на привязи во дворе два симпатичных подростка. Ветка и Тюбик. Ветку Ерофей приготовился увезти, а Тюбик, возможно, и не знает, что есть где-то жизнь совсем непохожая на все, что тут его окружает.

На видном месте во дворе стоит бочка со следами костра под ней. Оказалось, «лечебница». В километре отсюда обнаружил Ерофей эту емкость, брошенную геологами, и пополнил ею хозяйство.

* * *

– Ну, рассказывайте, как жили-были.

Рассказ Агафьи весь – жалобы на болезни. «Зимою выла, не могла разогнуться». Парафин, натопленный из свечей, перестал помогать. С приходом весны решили париться в бочке. Укрепив ее на камнях, разводили внизу костер и кипятили в воде хвою, кору осины, а позже – крапиву. «Когда вода остывала до нужной меры, я подставляла скамейку и залезала в бочку. Сверху укрывалась чем-нибудь теплым». Теперь Агафья размышляет, какой из отваров, по ее мнению, был полезным, а какой, возможно, и навредил. Подозревает, осиновая кора для леченья не подходила – «жар и сердце колотится», а вот крапива, кажется, подошла.

Тяга к теплу у Агафьи связана с пребыванием уже два раза на горячих ключах, после которых чувствовала ослабление болезней, и теперь разговор она то и дело подводит к осиновой коре и благодатным ключам.

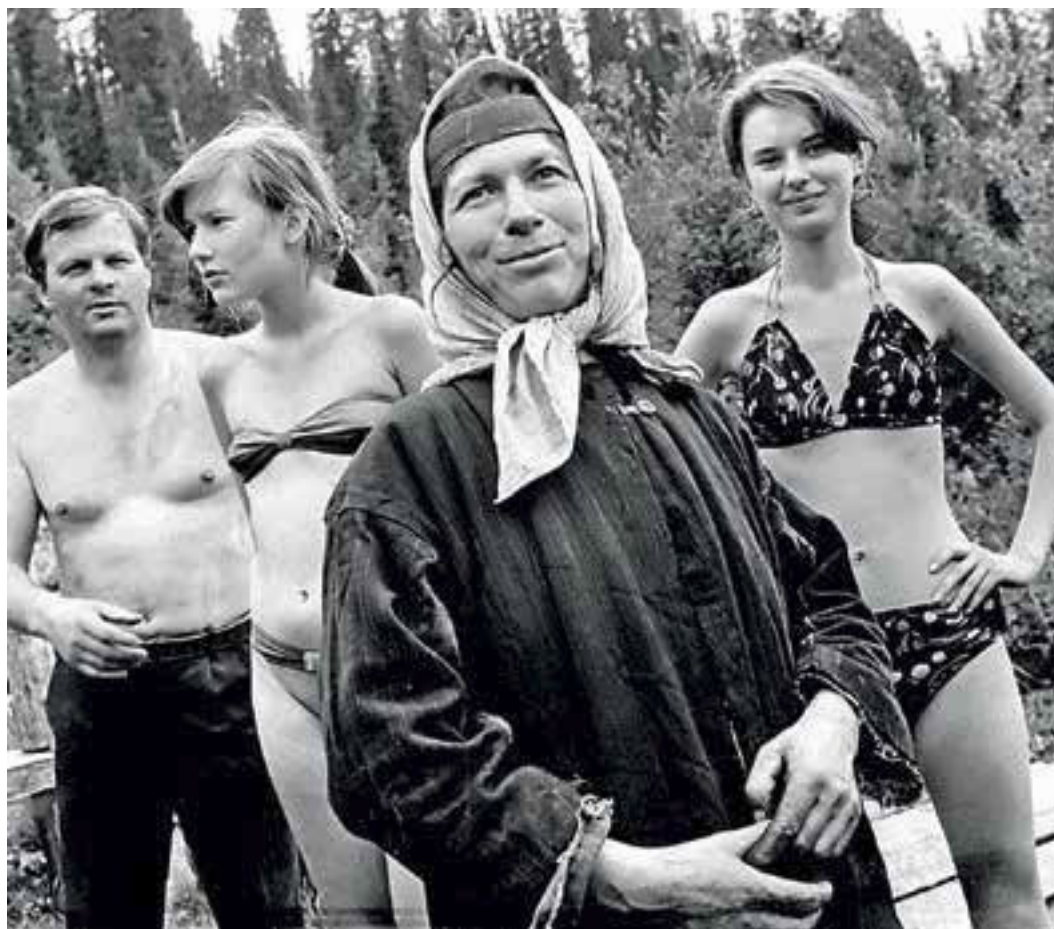
Ерофей на вопрос о житье в «карантине» вздохнул: «Не приведи бог еще раз очутиться в таком положении». На его долю пришлось тут мужская работа – пилил дрова и готовил ветки для коз. Жили «на два дома». В каждой избе – по две печки, да еще и курятник надо было протапливать. И веток изводили козы немало. Так что работы монотонной, одинаковой каждый день для охотника тут хватало. Весной пришла очередь огорода. «К Пасхе сходил настрелял рябчиков». Это немного разнообразило жизнь, в которой главным было ожидание вертолета. «Каждый погожий день прислушивался: а вдруг?»

Агафья «заведовала столовой». С едой не бедствовали. Но с тревогой в последнее время стали поглядывать на убывающие запасы муки и крупы.

Были проблемы с водой. Для Лыковых «чистота» воды, по их вере, всегда была важной. Привезенная сюда посуда непременно «освящалась» в реке. За водой к речке Агафья ходила непременно сама. Но в марте из-за болей в ногах и руках к Еринату с горы спускаться ей стало небезопасно. Чего бы проще доверить «подношение» Ерофею. Нет, не можно! Ерофея, окрещенного и отпустившего бороду, к воде все-таки допускать было грех. Какой же выход нашла Агафья? Переселилась с горы к самой речке. Поставила палатку и там жила – варила еду, молилась. Палатка эта стоит и теперь, мы увидели ее сразу, как приземлились, – линиялая парусина под кедром, поленница дров, кострище, «сигнальная» тряпочка от медведей...

По тону разговора, по мелким жалобам друг на друга было понятно: житье бок о бок в изоляции от людей было испытанием для обоих. «Случалось, собачились, проявляли упрямство, которого у нас обоих в достатке». В ходу было даже смешное ругательство, привести которое соблазнительно, но удержусь вопреки нынешним вольностям со словами.

Не шутка – почти год рядом! «Бывали дни – решался: пойду пешком! Риск сгинуть в тайге не пугал. Останавливало другое. Больна же! Как ее бросить? Совесть потом замучает. Теперь все это надо будет объяснить жене, детям».

На горячих ключах реки Абакан.

– Расставанье будет без слез?

– Да, пожалуй...

Не один раз по общему соглашению Ерофей и Агафья «дергали за веревочку» пресловутого «радиобуя». Но никакого сигнала отсюда не поступало. Ничего крайне опасного, правда, тут не случилось, а если бы и случилось, узнать об этом вовремя не пришлось бы – надежность техники, как видим, не стопроцентная. Не давал электричества и ветряк, привезенный сюда любителями эффектных жестов. Более уместными и естественными были бы свечи. Запас их кончился. Пришлось Агафье и Ерофею щепить лучину. Лучиной долгими зимними вечерами и освещались два «особнячка» в таежном «поместье». В одном молилась Агафья. В другом маялся у маленького приемника Ерофей, слушая беспокойные вести «из мира».

* * *

Улучив момент, идем с Агафьей к торчащему из высокой травы кресту. Некогда белый тесаный памятник на отцовской могиле от дождей потемнел. Уже более пяти лет Агафья одна...

Полагая, что тяготы минувших месяцев ее вразумили, в который раз заводим разговор о разумности перебраться к родне – «перевезем, поставим избу и помощь будет приходить вовремя». Пытаемся объяснить, почему не летают сейчас вертолеты.

Ответ прежний:

– Я там буду кашлять. Игорь Павлович сказал...

– Но ведь на горячих ключах собирается много хворых. Там кашель скорее может настигнуть.

– Игорь Павлович сказал: на ключах можно...

Считая разговор оконченным, собеседница наша семенит в избу и возвращается с подношением – носками из козьего пуха, связанными зимой для Николая Николаевича. И сразу опять разговор о ключах. Лететь хочет прямо сейчас.

– А на кого же хозяйство оставишь?

– На Алексея. Он тут собирается жить. Его изба будет – эта, а эта – моя. Будем жить, как брат и сестра...

Агафья в этом году юбилярша. Ей пятьдесят.

– А тебе сколько? – спрашиваем Алексея.

– Мне тридцать четыре.

Что значит для него житье «как брат и сестра»? Улыбаясь, пожимает плечами.

– Ну поселюсь. Буду охотиться. Вместе будем вести хозяйство. Посеем рожь, чтоб зерно сюда не возить. Мельницу сделаю...

Знает ли Алексей, сколько людей уже сюда прибывалось и чем это кончалось?

– У нас так не будет.

– А как с верой?

– Окщусь по всей форме.

Понимает ли Алексей ответственность, которую берет на свои плечи?

– Понимаю, не маленький.

В алтайском селе Алексей, по рассказу его, живет одиноко, хозяйством – огород, лошадь, скотина. Отца его в здешних краях знают как таежного «шатуна». Появляясь в разных местах, след о себе оставляет всегда недобрый.

– Я с отцом по этой причине давно никаких отношений не поддерживаю.

– Смотри, – говорим, – все, что для блага Агафьи, – возраженья не будет иметь. Но ты сам хорошо видишь: она – ребенок, обмануть доверие ее – тяжкий грех.

– Я понимаю...

Вот и весь разговор. Агафья подходит и демонстративно становится с «братом» рядом.

* * *

Летчики и Николай Николаевич глядят на часы – на ключи Агафье ведь надо еще собраться. Но, оказывается, все у нее уже наготове. Отдает по хозяйству последние распоряжения. А трое мужиков – Ерофей и Алексей с загорелым приятелем – несут к вертолету «курортный» багаж – мешок с картошкой, сумочку с сухарями, с крупой, икону, книги, топор, бидончик и две вязанки стянутых проволокой дров – Агафья уже была на ключах и знает потребности «дикой» лечебницы. Сама Агафья в щегольских резиновых сапогах одолевает пространство воды к вертолету, держа в руках кастрюльку с вареной картошкой – не успела поесть в суматохе.

Крестясь, как в церковь, входит «курортница» по лестничке в вертолет.

Все, полетели!

В избе мы с Николаем Николаевичем выложили из рюкзаков обычный, всегда желанный набор гостинцев – батарейки, свечи, кое-что для хозяйства. А сумку с уже знакомыми таежнице апельсинами и лимонами прихватили с собой в вертолет. Был в сумке еще гостинец для Агафьи неведомый – бананы. Подняла брови.

Агафья подлечилась.

– Це такое?

Из-за шума мотора объяснять было трудно. Я очистил банан, приглашая Агафью сделать то же самое. Качает головой, улыбаясь:

– Не можно...

Уже когда сели, отдал сумку подбежавшей к вертолету женщине, попросив Агафью поопекать и объяснить ей, как обращаться с заморским фруктом.

* * *

Для грядущего пропитанья таежницы завезли мы с Николаем Николаевичем Савушкиным три мешка муки, мешок пшена, мешок риса, мешок крупы ячневой, мед, разные огородные семена, предстоит при okazji завезти еще кур. Все это старанием директора Таштыпского лесхоза Юрия Васильевича Гусева куплено на пенсию Агафьи (она у нее, похоже, самая маленькая в стране – 19 тысяч в месяц), на деньги от издания книжки «Таежный тупик» и на деньги, поступившие от читателей «Комсомолки». Мы ни разу не просили их присылать. Ответили всем, на что и как эта помощь будет потрачена. Сама Агафья поблагодарить всех не может. Мы это делаем сейчас от ее имени. Спасибо всем!

И еще считаем важным сказать: к шумной кампании на радио по сбору денег «для полетов к Агафье» «Комсомольская правда» никакого отношения не имеет.

Хождение по водам

Во вчерашнем номере «Комсомолки» было подробно рассказано о посещении Тупика после нескольких месяцев полного отсутствия вестей оттуда. Рассказали мы, как жили, чем жили Агафья Лыкова и застрявший тут после зимнего промысла пушнины Ерофей Седов. Ничего драматического в таежном уединении, слава богу, не произошло. Агафья, правда, сильно болела. Лечила свои простуды в «купели», сооруженной Ерофеем из бочки. Навестил весною «усадьбу» медведь. У охотничьей собаки Ерофея появился приплод. Кончились свечи у живших «на два дома» таежников, жилища освещались лучиной. Вовремя был обработан и вовремя зазеленел огород. Вот и все события монотонной жизни. Главным было ожидание, ожидание вертолета. И волнующей была встреча.

В хакасской тайге этим летом стоит небывалая для здешних мест жара. С Агафьей расстались мы на таежных горячих ключах, куда вертолетом ее доставили на лечение.

Горячие ключи на реке Абакан – это место, где из земли изливаются теплые (полагают, целебные) воды. Официальной лечебницы тут нет. Дикарями прилетают сюда, наняв в складчину вертолет, страдальцы из разных мест – лечить ревматизмы, радикулиты, простуды. Живут кто как – в палатках, в дощатых кабинах с нарами. Еду привозят с собой. Живут табором, со всеми привычками и издержками нынешнего бытия. Агафья уже была тут два раза и очень хотела после зимних болезней снова сюда попасть. И вот встреча таежной знаменитости с людьми «из мира». Любопытство взаимное. И мне с фотокамерой тоже было интересно запечатлеть контрасты очень жаркого летнего дня. Агафья ни за что не хотела сбросить свою выдавшую виды хламиду, а все остальные подставляли голое тело солнцу.

• Фото автора. 30 июня, 1 – 4 июля 1994 г.

Операция «Тигр»

Окно в природу

«Его убили! Его убили! Идите смотреть!» Сотни людей из разных деревень протискивались ближе, чтобы взглянуть на тигра-людоеда, наводившего ужас на местных жителей. Теперь он был мертв. Вниз головой, со связанными лапами тигра несли на длинном шесте. Кое-кто пытался к нему прикоснуться – «набраться от зверя могучей силы».

Тигр, убивший десять людей и много домашнего скота, был долго неуловим. Пришлось привлечь охотников на слонах. И вот финал, один из драматических случаев в тысячелетних сожительствах рядом с людьми крупной красивой кошки.

Тигр в Индостане – пришелец с севера из Азии через Китай и Восточные Гималаи. На Дальнем Востоке в снежных лесах у Амура он чувствует себя лучше, чем в знойной Индии. При жаре выше 40 градусов тигр становится почти неподвижным. Водоемы пересыхают, и все живое ютится там, где осталась влага. Тигры из этих мест не уходят даже при явной опасности. Зато в холодное время (ноябрь – январь), когда под луною на желтых травах засеребрится иней, тигры чувствуют бодрость. В холодное время они образуют любовные пары, чтобы потом расстаться и жить отшельниками на избранной, ревниво охраняемой от других территории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.